

В. М. МАССОН

РАСКОПКИ НА АЛТЫН-ДЕПЕ в 1969 г.

Издательство «Ылым»
Ашхабад — 1970

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

МАТЕРИАЛЫ
Южно-Туркменистанской
археологической комплексной
экспедиции

ВЫПУСК 3

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Д. М. ОВЕЗОВ.

Раскопки Алтын-депе в 1969 г. проводились силами ЮТАКЭ АН ТССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. В этих работах принимали участие младшие научные сотрудники Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР И. Масимов, Г. Гутлыев, студенты ЛГУ Ю. Е. Березкин, Г. Н. Курочкин, лаборант ЛОИА АН СССР В. И. Осипов, а также А. В. Николаев, П. Н. Павлов, А. В. Трошкин, М. Н. Дуванова и шофер А. Аннагулиев. При этом работы 1969 г. — пятого сезона раскопок на Алтын-депе — рассматривались как составной элемент комплексного многолетнего исследования этого выдающегося памятника эпохи бронзы. Как и в предыдущие годы, основное внимание было уделено раскопкам верхних слоев Алтын-депе, содержащих материал типа Намазга V, что позволяло наиболее полно представить себе облик поселения этого времени. При этом были продолжены работы на двух старых раскопах (раскоп 7 — комплекс монументальных строений и раскоп 5 — жилой квартал) и начаты работы на трех новых. Остановимся кратко на достигнутых результатах.

Раскоп 5 (жилой квартал). Работы 1969 г. на раскопе 5 носили ограниченный характер, преследуя конкретную цель — расчистку улиц между жилыми массивами, вскрытых в 1967—1968 годах (Массон, 1968; Массон, 1969а). Из них улица, условно названная «широкой», имеет в ширину от 1,7 до 2,1 м и вытянута ориентировочно с юга на север. Улица заполнена сырцовым завалом с глинистыми натеками и большим количеством фрагментов керамики, в том числе и кухонных котлов. Здесь найдены также обломки мужской и женских глиняных статуэток, необожженная фигурка животного и передняя часть модели повозки. На севере широкая улица поворачивает на восток почти под прямым углом в сторону длинной улицы, вскрывавшейся в 1966—1968 гг. и заканчивающейся в северной части поворотом на запад. Естественным образом возникло предположение, что эти повороты соединяются, образуя новую улицу — поперечную. В 1969 г. раскопки этой улицы были начаты с двух концов — с востока и с запада. В обоих случаях характер культурного слоя — с большим числом фрагментов керамики — характерен для заполнения улиц. Несколько сложнее оказался вопрос с оконтуриванием границ улицы. И на востоке и на западе северная стена, образующая улицу, пройдя некоторое расстояние в предполагаемом направлении, поворачивает на север. Возможно, здесь располагалось обширное незастроенное пространство, для изучения которого необходимы специальные раскопки. Весьма интересен и тот факт, что на раскопе 5 ни одна из трех улиц, вскрытых в целом в длину на несколько десятков метров, не имеет строго прямых стен, а состоит как бы из нескольких отрезков таких стен, идущих в одном направлении, но под разными углами. Практически «улицы» здесь образовывало незастроенное пространство между крупными многокомнатными жилыми домами, одновременное возведение которых и обуславливало несколько различное направление образу-

щих улицу стен. Нахождение на территории улиц значительного числа фрагментов керамики (на площади поперечной улицы 854 фрагмента) может быть отражением стремления придать структуре улицы большую твердость, созданием своеобразной утрамбовочной засыпки из керамики с землей. В связи с вскрытием на раскопе 5 значительного участка древнего поселения с домами и улицами обращает на себя внимание большая скученность и плотность застройки, видимо, объясняемая необходимостью сосредоточить строения на территории, ограниченной всхолмлениями, образованными более древними культурными слоями. Сконцентрированные на одном месте на высоком холме такие дома служили обитателям поселения надежным убежищем.

Раскоп 7 (комплекс монументальных сооружений). Открытие в 1967 г. на одном из холмов на восточной окраине Алтын-депе монументальной архитектуры позволило существенно расширить наши представления о культуре Южного Туркменистана в пору Намазга V (Массон, 1968б). Вместе с тем, детальные работы, проведенные на этом участке в 1968 г., вскрыли весьма сложную картину внешнего облика существовавших здесь сооружений (Массон, 1969а). Оказалось, что внешний восточный фас был своего рода парадным фронтоном, за которым скрывался комплекс довольно обыденных строений. Вместе с тем, парадное оформление фасада было выдержано вполне в стиле древневосточной архитектуры. При этом был довольно находчиво использован холм с культурными наслоениями времени позднего Намазга IV, облицовка которого сырцовым кирпичом позволила создать внешне достаточно величественные сооружения. При этом в истории этих сооружений достаточно четко наметились три периода или этапа. На первом этапе холм времени ранней бронзы был частично облицован сырцовым кирпичом так, что получилась четырехступенчатая башня размером по нижней ступени около 21 метра. По внешнему виду она явно подражала зиккуратам Шумера, но в отличие от них была трехчетвертной, будучи как бы пристроенной к холму, образованному наслоениями времени Намазга IV. На втором этапе башнеобразное сооружение было увеличено в длину и высоту, и внутри него оказались замурованными остатки более раннего зиккурата. С юга к башне был пристроен «дом с обводом», в основании которого лежала платформа трехметровой высоты, декорированная трехступенчатыми в плане пилястрами. Вместе с тем, возведение мощных сырцовых кладок на склоне холма без их предварительного выравнивания вызвало их общее сползание и наклон стен. Мелкие ремонты и закладки как раз и характеризуют третий этап в истории рассматриваемых сооружений. На южной стороне комплекса возводится так называемый «угловой дом», построенный несколько небрежно и под углом к основной оси прежних строений. Располагавшиеся за ним мощные отвалы золы наводят на мысль, что одной из целей этой постройки было стремление скрыть мусорные отвалы от зрителя, находящегося перед парадным фасом, общая длина которого теперь достигает 55 м. Однако разрушение продолжалось, и вскоре весь комплекс забрасывается. В завальных слоях у угла сопряжения зиккурата и «дома с обводом» появляется погребение с керамикой типа Намазга V, иллюстрируя распространенный в эту пору обычай размещения могил на окраине поселения.

Раскопки, проведенные в 1967—1968 гг., вместе с тем, вскрыли ряд строений, располагавшихся на холме за этим монументальным фасадом. Работы 1969 г. на раскопе 7 были сконцентрированы на оставшемся не вскрытом юго-восточном сегменте холма. Вскрытые здесь строения дали образцы сравнительно невзрачной рядовой архитектуры (рис. 1). Вместе с тем, здесь отмечается определенное стремление

выравнить архитектурную линию, ограждающую весь комплекс с юга. Стены строений, включенных в эту линию, имеют толщину от 60 до 90 см. Рельеф местности способствовал сохранению здесь окраинных участков древних строений, тогда как на западе и на севере холма такие участки полностью смыты, а на востоке сохранились лишь благодаря их массивности и монументальности.

Завершение раскопок в центральной части холма позволяет дать общую характеристику сохранившихся здесь строений. Здесь наибольший интерес представляет помещение 14, в котором располагался крупный прямоугольный подиум, идентичный аналогичным сооружениям, известным по раскопкам святилищ энеолитических поселений геоксюрского оазиса. К сожалению, большая часть этого помещения оказалась расположенной на склоне и полностью смыта. Следует отметить, что это первый случай обнаружения очага типа подиума не только на Алтын-депе, но и вообще на южно-туркменистанских памятниках эпохи бронзы. Судя по находке подпятника, из помещения 14 осуществлялся вход в группу помещений 16, 1а, 2, 3, 4 и 5. Несколько странно наличие на месте предполагаемого прохода небольшого очага, овального в плане, но не исключено, что такое его расположение не случайно и предполагало своего рода очистительное воздействие огня. По тщательной штукатурке стен их можно было бы считать жилыми, если бы речь шла об обычном для эпохи бронзы многоквартирном доме. Однако уже помещение 3 выделяется наличием в нем двух очагов, занимавших большую часть комнаты.

Значительное число очагов характерно и для участка, расположенного к югу от этого комплекса и вскрывавшегося в 1969 г. Здесь выделяется обширный участок, получивший условное название помещения 26 и скорее всего являющийся небольшим внутренним двором. К этому двору тяготеют отгороженные участки и комнаты (пом. 23, 24, 25, 28, 29, 31). В помещении 29 расположен прямоугольный очаг и за ним прямоугольный отсек размером $1,1 \times 0,8$ м. Круглые очаги диаметром около 0,5 имеются на полу помещений 25 и 28. При этом очаг в помещении 28 четыре раза перестраивался, каждый раз сдвигаясь на новое место. В целом создается впечатление, что этот участок комплекса был связан с оживленной деятельностью по приготовлению пищи. На это указывают и находки фрагментов кухонных котлов. Остается, правда, неясным назначение прямоугольного отсека («ванночки»), расположенного к северу от очага в помещении 29 и заполненного обломками керамики (около 800 фрагментов) и мелкими камнями.

Для строений, выходящих на южный край холма, характерна двойная толщина стен (50 см) и определенная регулярность расположения, отразившая стремление оформить южную границу комплекса. Правда, в отличие от парадного восточного фасада здесь нет единой прямой линии стены. В обрамлении таких стен полуметровой толщины расположены помещения 33, 32, 34, 37. Судить об их назначении пока затруднительно. Возможно, это были хранилища. В помещении 32 можно выделить два периода существования. В раннем периоде это прямоугольное строение размером $5,7 \times 1,8$ было использовано как погребальная камера. Затем камера была заполнена плотным кирпичным завалом, северная стена ее несколько перестроена и образовала южную границу двора (пом. 26). Слой с большим числом обломков керамики, типа раннего Намазга V, характерной для всего раскопа 7, перекрывал руины строения 32 уже второго периода существования. Таким образом, внутренняя стратиграфия указывала на весьма ранний возраст погребальной камеры, возможно, одновременной раннему зикурату раскопа 7 и во всяком случае представляющей собой один из

самых ранних комплексов типа Намазга V. Всего в камере, судя по количеству черепов, было погребено 14 взрослых человек (погр. №№ 110—123). Бесцеремонно сдвинутые уже в древности кости 13 скелетов находятся в перемещенном состоянии (рис. 2). Как правило, относительно ненарушенными сохраняются сочленения костей, нижних конечностей. Большинство костей сосредоточено в центральной части камеры. В западной части камеры, почти лишенной костей, находилась большая часть сосудов из состава погребального инвентаря, а восточная часть вообще оставалась пустой. Видимо, с востока происходило и помещение в камеру новых усопших. Во всяком случае именно здесь расположен единственный неповрежденный скелет — на правом боку со скорченными ногами, вытянутыми вдоль тела руками, головой на запад (погр. № 123). Погребальный инвентарь состоял в основном из керамических сосудов в количестве 24 штук, с преобладанием биконических сосудов. Формы и фактура 23 сосудов типичны для керамики типа Намазга V. Тем более интересна находка одной чашечки с черной росписью по красному фону типа позднего Намазга IV, что лишний раз подтверждает раннее положение всего комплекса в целом. Прочий инвентарь представлен тремя бусинами и кремневым наконечником стрелы. Примечательно отсутствие печатей, возможно, еще не получивших в пору раннего Намазга V широкого распространения.

Примечательно, что в гробнице с большим числом погребенных найден всего один наконечник стрелы. По одному кремневому наконечнику стрелы было в погребальной камере, открытой в 1966 г. на раскопе 5 (Массон, 1967б, стр. 169), и в камере времени позднего Намазга IV, вскрывавшейся на раскопе 1 в 1967 г. (Массон, 1968а, стр. 345). Возможно, это отражает традицию помещения в большесемейную усыпальницу именно одного предмета этого рода.

Значительный объем работ на раскопе 7 позволяет выявить характерные черты располагавшихся здесь строений, поставить вопрос об их назначении. Их особый характер подчеркивается и бесспорной монументальностью (рис. 3) по сравнению с жилой архитектурой как Алтын-депе, так и других памятников эпохи бронзы, включая Намазга-депе. Претенциозная парадность оформления внешнего фасада особенно в пору расцвета (рис. 4), приходящегося на второй период, также не вызывает сомнений. Вместе с тем, раскопки 1968 г. ясно показали, что за этим внешним величием отнюдь не скрывается четкая планировка культовых сооружений месопотамского типа. В комплексе мону-ментальных строений Алтын-депе мы имеем своеобразный симбиоз внешних приемов месопотамской архитектуры с местными традициями и ограниченными возможностями местного общества.

Как известно, в Месопотамии зиккураты располагались при храме главного бога и венчались небольшим храмом-жилищем этого бога, в большинстве случаев не сохранившимся и реконструируемым на основании описания Геродота и ряда других косвенных данных. При этом верхняя терраса использовалась для религиозных мистерий и, видимо, одновременно служила жрецам своеобразной обсерваторией. Скорее всего сходным было назначение и башнеобразного ступенчатого сооружения Алтын-депе, возведенного явно в подражание шумерским образцам. Вместе с тем, как показывают раскопки, рядом с зиккуратом отсутствовало строение, в котором можно было бы видеть храмовую постройку. План «дома с обводом» не содержит ни парадного зала, ни места для культовой ниши или алтаря. Правда, строения северной части дома с обводом не сохранились, но и здесь, судя по всему, располагались сравнительно небольшие комнаты (пом. 6 и 16).

Еще более обыденны постройки, располагавшиеся на вершине

холма, внешний фас которого имел столь эффектное оформление. Однако здесь следует подчеркнуть два обстоятельства. Прежде всего, это обнаружение в 1967 г. крупного прямоугольного очага-подиума, характерного для храмов Месопотамии и южно-туркменистанских культовых построек эпохи энеолита. Очаги в жилых домах раскопа 5 на Алтын-депе не имеют ничего общего с этим подиумом. Перед нами соединение местных традиционных культовых атрибутов с заимствованной формой зиккурата, внешний эффектный вид которого должен был более соответствовать тому уровню формирующейся городской цивилизации, которого южно-туркменистанские общины достигли в пору развитой бронзы. Вторая характерная черта исследуемого объекта — наличие среди построек на вершине холма значительного числа бытовых и хозяйственных очагов, а в отвалах по склонам холма большого количества золы и углей. По определению Г. Н. Лисициной, древесные угли с раскопа 7 принадлежат карагачу, ясеню, тополю и клену, что свидетельствует о тугайной флоре, характерной для древних окрестностей Алтын-депе (Лисицина, 1968). Зольные прослойки и угли встречались неоднократно и перед внешним фасом, хотя, конечно, древние алтыновцы стремились особенно не замусоривать парадный фронтон. Основные зольные отвалы спускались по южному склону холма, и скорее всего именно для их прикрытия в третий период появились постройки, условно названные угловым домом. В этой связи интересно отметить, что в Уре в храмовом комплексе по соседству с зиккуратом первой династии (XXVI в. до н. э.) располагалась группа построек с хозяйственными остатками и крупными овальными и прямоугольными очагами. Л. Вулли определял этот комплекс как своеобразную храмовую «кухню», где приготавливалась из мяса жертвенных животных пища богов, практически достававшаяся жрецам и прочему обслуживающему персоналу (Вулли, 1961, стр. 110). Такая «кухня» располагалась и около гигантского зиккурата Ура, сооруженного здесь в правлении Урнамму в XXII в. до н. э. (Вулли, 1961, стр. 144). Скорее всего, таково было назначение и части рядовых по своей архитектуре строений, вскрытых в центре раскопа 7. Что касается «дома с обводом» и ряда строений южной окраины комплекса (пом. 22, 32, 33, 34), то их можно рассматривать как хозяйственные постройки типа хранилищ, наличие которых в составе культовых комплексов хорошо известно целому ряду месопотамских памятников.

Вместе с тем, совершенно ясно, что монументальный в масштабах южно-туркменистанских памятников комплекс строений, открытых на раскопе 7, свидетельствует об ограниченных возможностях местного общества, стремившегося к внешнему подражанию достижениям передовых стран того времени. И башнеобразное сооружение, и «дом с обводом» были построены со стремлением сократить до минимума трудовые затраты, одеть лишь рубашкой склоны холма, даже без их предварительного выравнивания, что, в конечном итоге, привело к раннему разрушению возведенных строений.

Раскоп 8 (обводная стена). Раскоп 8 был заложен на южной окраине поселения, к западу от промоины, соответствующей, судя по рельефу, главному въезду на так называемую центральную площадь Алтын-депе. Главной задачей здесь было изучение вопроса о наличии у поселения обводных стен. Сравнительно пологий склон позволял надеяться, что древний край поселения здесь наименее смыт по сравнению с остальными участками Алтын-депе. Раскопками была выявлена стена толщиной в 80 см, идущая параллельно предполагаемому въезду, причем к востоку от нее, в сторону промоины въезда, располагаются намывные глинистые слои, а не культурные наслоения. Видимо, это была одна из двух стен, оформлявших въезд

в Алтын-депе. На юге, в сторону внешнего фаса поселения, эта стена упирается в массивную кладку, занимающую площадь около $4 \times 3,5$ м и, возможно, бывшую основанием какого-либо башнеобразного сооружения (рис. 5). К этому же сооружению с запада подходят строения, оформлявшие внешний край поселения. В их истории можно выделить три этапа. На первом этапе на край выходили стены жилых домов, идущие, как и на раскопе 5, в одном направлении, но несколько под разными углами. На втором этапе снаружи к этим стенам была пристроена кладка, образовавшая в целом стену толщиной в 1,8 м с прямым внешним фасом. На расстоянии 5,5 м к западу от «угловой башни», в которую эта стена упиралась, расчищено прямоугольное основание башни размером $2,2 \times 2,8$ м. В результате получилось некоторое подобие обводной стены. На третьем этапе снаружи к этой стене были пристроены комнаты, и внешний край поселения, опять образовывала стена дома толщиной в 50 см. Судя по находкам керамики, все три этапа приходятся на пору раннего Намазга V, после чего данный участок был заброшен. Весьма интересными оказались культурные слои, подстилающие эти строения Намазга V. Внутри обводной стены это позднее Намазга IV (видимо, лишь один строительный горизонт), а снаружи энеолитические слои с керамикой позднегеоксюрского облика.

Раскоп 9 («дом вождя»). Раскоп 9 был заложен на восточной окраине поселения, приблизительно на полпути между раскопами 5 и 7, на месте, где по цвету растительности, особенно обильной в этом году, обильном дождями, четко выделялся прямоугольник размером 8×15 м. Произведенные раскопки показали, что этот прямоугольник соответствует отдельно расположенному дому четкой планировки, уникальной для южно-туркменистанской архитектуры эпохи бронзы. Сам дом имеет размеры около $7,5 \times 15$ м. От обычных жилых домов эпохи бронзы, в том числе и от домов, раскопанных на Алтын-депе, его отличает правильность планировки, когда почти все комнаты, составляющие дом, четко вписаны в прямоугольник внешнего контура (рис. 6). Лишь западная стена дома состоит из отрезков, идущих немного под разными углами, что, видимо, объясняется наличием к западу от дома построек, с ориентацией которых были вынуждены считаться его строители. Вход в дом осуществлялся с улицы шириной в 1 м, проходящей вдоль восточного фаса. Помещение 2, в которое вел этот вход, подквадратное, в плане с одним пристенным очагом и одной внутрискатной нишкой. Сходно по плану и рядом расположенное помещение 1. Двери этих обеих комнат выходили в длинное помещение 3, в стенах которого были устроены четыре нишки. Отсюда вела дверь в наиболее крупную комнату дома — своеобразную михман-хану размером $5 \times 3,5$ м. В этой комнате у восточной стены был сделан массивный выступ, а в южной стене устроена нишка (пом. 4). Все эти четыре помещения имеют прекрасно оштукатуренные стены. Перед нами явно жилая часть дома. Из помещения 4 можно было попасть в продолговатую комнату 6, а уже из нее в помещение 5, также удлинённых пропорций. Судя по всему, это были подсобные хозяйственные комнаты, и их отделка производилась с меньшей тщательностью. Стены дома сохранились на высоту до 1 метра, толщина стен — 50—60 см.

Внутри помещения в основном заполнены плотным завалом сырцового кирпича, в котором встречены фрагменты керамики. Необычность планировки, обособленное расположение рассматриваемого комплекса заставляют видеть в нем жилище знатной семьи, в связи с чем получило условное наименование «дом вождя».

Как уже отмечалось, к востоку от дома идет улица, для заполнения которой, так же как и для улиц раскопа 5, характерно большое количество фрагментов керамики. Здесь же найдены две женские фигурки, в том числе одна со знаком ветви растения, нацарапанным на плечах. За улицей начинаются строения, имевшие, судя по характеру культурного слоя, хозяйственное назначение. Вероятно, перед нами хозяйственно-дворовой участок, тяготеющий к «дому вождя».

Раскоп 10 (квартал гончаров). Кроме отмеченных работ, в 1969 г. младшим научным сотрудником Института истории им. Ш. Батырова И. Масимовым были начаты раскопки квартала ремесленников (раскоп 10). Здесь были расчищены топочные камеры двух гончарных горнов, овальных в плане, располагавшихся на обширном незастроенном участке. С востока этот участок обрамляют строения из сырцового кирпича со стенами толщиной в 30 см. Видимо, перед нами остатки жилых домов, невзрачность которых по сравнению с «домом вождя» ярко отражает имущественное неравенство общества эпохи бронзы. Найденная керамика, в том числе многочисленные подставки, относится ко времени позднего Намазга V. Производственный участок, на котором находились гончарные горны, с юга огражден стеной толщиной в 0,5 м. За стеной обнаружены три погребения (№ 109, № 124, № 125), впущенные в культурный слой. Видно, перед нами могильник самого позднего периода существования Алтын-депе. Из трех погребений одно (№ 125) детское, и в нем как будто находилась прямоугольная плакетка серого камня с двумя высверленными отверстиями, заполненными белыми вставками (игральная фишка?). В одном погребении взрослого было два сосуда, помещенные около головы (№ 124), в другом один сосуд, две каменных бусины, бронзовая «булавка» с навершием в виде головы козла и медная печать, находившаяся в верхней части грудной клетки. Погребения скорченные, взрослые на правом боку, детское — на левом. Ориентация головой в одном случае на север (погр. № 109), в двух других — на северо-запад (погр. №№ 124 и 125).

Керамика. Как и обычно при раскопках оседлоземледельческих поселений, основную массу находок на Алтын-депе составляет глиняная посуда. К сожалению, весьма обширный керамический комплекс типа Намазга V остается до последнего времени весьма слабо изученным. Отсутствие на посуде красочных рисунков, легко поддающихся классификации и чутко реагирующих на временные изменения, является одной из причин создавшегося положения. Даже терминологическая структура описания керамики типа Намазга V, как это, впрочем, характерно для многих керамических комплексов, остается неупорядоченной. С целью установления терминологического единообразия в описании керамики типа Намазга V, опыт единой схемы такого описания былработан на Алтын-депе в 1967 г. С этого сезона учет всех керамических находок ведется именно по такой схеме. При этом вся керамика по цветовым и фактурным признакам черепка разделена на четыре группы: I — с красным или розовым черепком и светлым ангобом, II — с зеленовато-белым черепком («намазгинский тип», лучше всего представленный на Намазга-депе), III — с красным или розовым черепком и таковым же цветом наружной поверхности, IV — кухонная с примесью дресвы в тесте. Внутри групп учет производился по формам сосудов, венчиков и донец. Следует надеяться, что суммирование соответствующих подсчетов по всем раскопам Алтын-депе позволит, в частности, более жестко установить временную эволюцию посуды типа Намазга V. На основании наблюдений предыдущих лет керамику раскопов 5, 7, 8 и 9 по отсутствию керамических подставок можно отнести к раннему Намазгу V, а посуду раскопа 10, по наличию

таких подставок, ко времени позднего Намазга V. Учет керамики по раскопам 1969 г. по фрагментам, венчиков сосудов дал следующую картину:

Раскопы	Всего фраг- ментов	В том числе в %			
		I группа	II группа	III группа	IV группа
Раскоп 8	110	36	32	32	—
Раскоп 9, «дом вождя» .	81	48	39	10	3
Раскоп 9, улица	104	40	40	16	4
Раскоп 9, к югу от улицы	186	51	31	15	3
Раскоп 5, «улица широ- кая»	39	59	15.5	20.5	5
Раскоп 5, «улица попе- речная»	97	58	25	15	2
Раскоп 7.	164	56	30	14	—

Из этих данных следует, что для Алтын-депе в пору раннего Намазга V господствующей является светлоангобированная керамика. Второе место за ней занимает посуда зеленовато-белого теста. Керамика третьей группы, как правило, редка. Ее сравнительно большое количество на раскопе 8 пока трудно объяснить.

Яркий керамический комплекс раннего времени образуют сосуды из коллективного погребения в помещении 32 на раскопе 7. Его самое раннее положение, даже в пределах раннего Намазга V, подтверждается как стратиграфическими данными, так и наличием в его составе расписного сосуда типа позднего Намазга IV. Здесь наибольшим числом образцов представлены сосуды биконических форм трех вариантов (рис. 7). Преобладают биконические сосуды с острым ребром в нижней трети сосуда (№ 4, 11, 12, 16, 19, 20, 22). Донце обычно плоское или чуть вогнутое. По предложенной выше классификации цвета черепка здесь представлены все три группы. Реже встречаются сосуды со скругленным ребром (№ 1, 8, 13) или с вогнутой приданной частью (№ 9, 18, 19, 21). В последнем случае донце у основания иногда имеет небольшой выступ. Двумя экземплярами представлены графины с чуть отогнутым наружу венчиком, одутловатым туловом, вогнутой приданной частью и выступом у самого дна (рис. 8, 2, 3). Массивные тяжеловесные пропорции характерны и для крупного горшка с широким раструбом края и вогнутой приданной частью, на которой видны следы вторичной подправки сосуда по сырой глине инструментом вроде ножа. Создается впечатление, что сосуд изготовлялся на гончарном круге по частям, которые затем были соединены. Кроме того, в комплексе имеется крупный сосуд типа розетки, вазочка и чаша. Облик этой керамической группы заметно отличается от сосудов из коллективного погребения в помещении 13 на раскопе 5, открытого в 1966 г. Расположенная в пределах заброшенного жилого комплекса времени Намазга V, эта керамика, если и относится к поре раннего Намазга V, то не к самым ранним ее этапам. Здесь преобладают не биконические сосуды, а горшковидные сосуды на поддонах, причем нередко удлинненно-вытянутых пропорций. Вытянутые пропорции характерны и для сравнительно редких биконических сосудов. Маленькие графинчики имеют симметричное шаровидное ту-

лово без выкружки в придонной части. Преобладание в комплексе из помещения 32 седьмого раскопа, видимо, связано с сохранением еще керамических традиций времени Намазга IV. Эволюция посуды Намазга V идет в дальнейшем по линии более высокого технического совершенства и более полного овладения гончарным кругом, что, в частности, привело к появлению сосудов более строгих и стройных пропорций. Следует полагать, что, например, форма биконического сосуда на ножке является более поздней в пределах комплекса Намазга V. Интересно отметить, что в ранних комплексах сравнительно редка вихревая розетка на дне, образующаяся при срезании сосуда с гончарного круга. Не говорит ли этот факт о сравнительном несовершенстве применяемого инструмента?

На раскопе 7 вне погребальной камеры были найдены два биконических сосуда и вазочка, идентичные керамике этой усыпальницы, а также горшок на ножке с высоким расширяющимся вверх раструбообразным горлом.

Из сосудов с раскопа 10 можно отметить горшок на поддоне, чашу и графин с валиком на плечиках и чуть вогнутым дном. Его стройные формы заметно отличны от форм графинов с раскопа 7. Труднее судить о временной принадлежности керамики из погребения № 108, расчищенного на дне «раскопа вышки», то есть на глубине около 1,5 м от дневной поверхности. Костяк располагался в скорченном положении. У головы стояли чайник без выделенного горлышка и горшок на поддоне с вихревой розеткой на дне. Оба сосуда зеленовато-белого цвета.

Терракота. Во время работ 1969 г. как при раскопках, так и при сборе материалов на поверхности на различных участках Алтын-деле было обнаружено значительное число образцов мелкой скульптуры, в подавляющем большинстве своем терракотовой. Среди них в количественном отношении первое место занимают женские фигурки (рис. 9). В основной своей массе это статуэтки условно-плоскостного стиля, характерного для скульптуры времени Намазга V. Исключение составляет лишь обнаруженная в помещении 5 на раскопе 9 нижняя часть сидящей женской фигурки, выполненная в объемной манере эпохи энеолита и скорее всего перемещенная из более ранних слоев.

Из статуэток эпохи бронзы лишь одна не изготовлена из глины, а выточена из белого камня с отшлифованной поверхностью. Эта фигурка с узкой талией, расставленными в стороны руками и широкими бедрами обнаружена при работах на раскопе 8. Терракотовые женские статуэтки представлены типами, хорошо известными для южно-туркменистанской пластики эпохи бронзы (Массон, 19676; 1968). Таковы, в частности, головки в высоком трапециевидном уборе, украшенном процарапанным орнаментом и условно именуемом короной. Такие головные уборы обычно имеют два сквозных отверстия. Одна головка этого типа была обнаружена на раскопе 9 (рис. 9, 6) и представляет собой полную аналогию головке, происходящей из слоя Алтын 3 на стратиграфическом раскопе 1 (работы 1966 г.). Поскольку слой Алтын 3 является наиболее ранним в свите слоев Намазга V, это обстоятельство указывает на раннюю датировку материалов с раскопа 9, что подтверждается также другими данными. В коллекции 1969 г. представлены головки и с коническим головным убором, в том числе довольно оригинальный экземпляр — с двумя вьющимися косами, начинающимися уже с конической вершины этого убора.

Интересным примером предельно схематических терракот является безрукий идольчик с раскопа 9. Интересно, однако, что при предельной схематичности общей трактовки здесь сохранены крупные наклепные глаза ромбовидной формы. В схематических фигурках энеолити-

ческого времени главное внимание уделяется, наоборот, бедрам, а глаза, так же как и голова, иногда вообще отсутствуют. Прекрасный торс с коническими грудями, на которые спускаются концы выющихся кос, происходит с раскопа 7. Здесь интересно, что и на спине наклепная коса также изображена выющейся. Для скульптуры Алтын-депе более обычные терракоты с выющимися косами, спускающимися по бокам высокой стройной шеи, тогда как на спине изображена прямая наклепная коса, нередко спускающаяся до талии. Торс статуэтки этого типа обнаружен на «широкой улице» раскопа 5. Отличается стройными пропорциями скрипкообразной фигуры статуэтка, происходящая с раскопа 9, что, возможно, характерно именно для терракот ранних комплексов. В пору позднего Намазга V, как показывают находки на раскопе 10, были распространены статуэтки более удлиненных пропорций. Происходящая отсюда покрытая белым ангобом целая статуэтка вообще выполнена довольно небрежно и как бы наспех. Даже знак пола представлен у нее не традиционным треугольником, а небрежной прямоугольной фигурой. Вместе с тем, на ней помещено многократно повторенное изображение знака в виде буквы К, принадлежащего к третьей группе знаков южно-туркменистанских терракот эпохи бронзы (Массон, Сариниди, 1969). Из других знаков материалами 1969 года представлены знак дерева (раскоп 9, четвертая группа) и знак в виде прямых насечек (холм меди, шестая группа). Следует отметить, что материалы Алтын-депе показывают, что терракоты со знаками одной группы встречаются на различных участках городища. Это обстоятельство свидетельствует против предположения о семантике знаков как своего рода символах локальных групп. Так, из статуэток со знаками, обнаруженных на Алтын-депе в ходе работ 1968 г. на «холме вышки», были обнаружены экземпляры со знаками первой, второй, третьей и четвертой групп, на «центральной площади» со знаками второй, четвертой и шестой групп, на холме меди со знаками третьей и четвертой групп. Поэтому наиболее вероятной представляется гипотеза о связи знаков с семантикой различных божеств, воплощенных в терракотах. В пользу такого заключения свидетельствует и определенная связь знаков различных групп с иконографическими чертами терракот. Так, статуэтка с раскопа 10 весьма близка статуэтке с аналогичным знаком из «погребения жрицы» (Массон, 1967б, рис. 12). В обоих случаях отсутствуют наклепные косы, голова сверху, имеет подтреугольные очертания, на шее изображено ожерелье с подвесками. Для терракот со знаками первой группы, наоборот, характерны наклепные выющиеся косы спереди и массивная прямая коса сзади (Массон, 1967б, рис. 11; Ганялин, 1967, рис. 1).

В количественном отношении значительно уступают женским статуэткам фигурки мужчин (рис. 11). Вместе с тем, их появление и сравнительно широкое распространение является одной из характерных черт мелкой пластики эпохи бронзы по сравнению с энеолитической скульптурой. На Алтын-депе мужские статуэтки, так же как и женские, встречаются на всех участках обширной территории памятника. Они в большинстве своем выполнены в условно-плоскостной манере и изображают стоящих мужчин с расставленными в стороны руками, то есть повторяют один из статуарных типов женских терракот. Воздействием иконографии женских статуэток следует считать и общий абрис женоподобной фигуры с узкой талией и широкими бедрами. Специфическими чертами являются наклепной пояс, охватывающий талию, и признаки пола, указывающие на эротическое состояние. Обычно наклепные части фигурок легко отскакивают. На статуэтке, происходящей с поперечной улицы раскопа 5, видимо, на шее было процарапано ожерелье с тремя подвесками. Иногда ниже пояса на бедрах имеются

насечки, в одном случае косые, в другом прямые. Видимо, это своеобразные реминисценции мотива дерева или ветви растения, изображавшегося на бедрах по обе стороны от мужских органов. Статуэтка с процарапанным изображением такого дерева происходит с раскола 10. Несколько выделяется манерой исполнения фигурка, найденная на «холме жилых кварталов». Она имеет прямоугольные плечи и как будто спускающиеся вниз руки. Вообще фигурка достаточно стройная, у нее отсутствует резкий переход от талии к широким женоподобным формам. Возможно, это один из исходных типов мужских терракот, восходящий к традициям позднего Намазга IV, когда появляются первые фигурки этого типа. Достаточно своеобразна и другая статуэтка с широкими бедрами, но с раздельно выполненными ногами, причем, как будто несмотря на общую плоскостную манеру исполнения, рельефом выделено колено. Вероятно, терракоты этого вида типологически восходят к объемным мужским фигуркам, изображенным «в позе всадника» (Ганялин, 1967, рис. 1).

Третью группу статуэток составляют антропоморфные фигурки. Одна такая статуэтка с расширяющимся коническим чуть вогнутым основанием была найдена на раскопе 9, к востоку от улицы (рис. 11, 3).

Различные изделия. Среди прочих находок следует отметить фрагмент модели четырехколесной повозки с началом шеи головы животного, обычно изображавшимся в ее передней части (рис. 12, 1). Головки таких животных, по-видимому, по большей части верблюдов, обычно со сквозным отверстием в носу, неоднократно были встречены в различных частях Алтын-депе. Имеются также целые фигурки животных как из обожженной, так и из необожженной глины, но все они весьма схематичны (рис. 13).

Интересны фрагменты керамики с процарапанными изображениями, резко выделяющиеся из керамического комплекса Намазга V, для которого характерно отсутствие какой бы то ни было орнаментации. В одном случае это восьмилучевая звезда — знак, нередко встречаемый и на статуэтках (рис. 12, 2), в другом — на обломке сосуда видны части двух различных изображений, возможно, сюжетного характера (рис. 2, 11). По технике исполнения они напоминают процарапанное изображение птицы на черепке, найденное А. Ф. Ганялиным на Намазга-депе и ныне хранящееся в Историческом музее Ашхабада.

Из числа предметов вооружения представлены ядра для пращи и кремневые наконечники стрел (рис. 14). Керамические ядра для пращи имели как биконическую, так и шаровидную форму (рис. 15, 8, 12). Кремневые наконечники стрел в основном лавровидные, иногда с как бы намечающимся выделенным черешком. Они встречаются повсеместно как в раскопах, так и в подъемном материале на разных участках поселения.

Несколькими образцами представлены находки печатей. Это — металлическая печать крестообразной формы с ушком и фрагмент каменной печати с высверленным орнаментом, в котором заметную роль также играет мотив креста (рис. 15, 10). Несколько необычен для южно-туркменистанских комплексов эпохи бронзы терракотовый конус с серией колец, вырезанных на основании (рис. 15, 11). Печати этого типа пока не были известны для комплексов времени Намазга V. Характерной чертой находок на Алтын-депе является поразительно малое количество металлических изделий, что, надо полагать, объясняется высокой ценностью металла в таком нерудном районе, как Южный Туркменистан. В этой связи особенно «богатым» выглядит инвентарь погребения 109, в состав которого входили бронзовая печать в виде шестиконечной звезды со срезанными концами и так

называемая булавка с навершием в виде головы козла (рис. 16, 1, 2). Последняя находка представляет особый интерес. Фрагмент навершия сходного изделия с изображением фигуры животного был ранее найден на Алтын-депе (Сарианиди, 1967б, стр. 100; Кузьмина, 1966, стр. 80, табл. XVI, 1). Наличие не заостренного конца в нижней части булавки, а преднамеренного утолщения позволяет согласиться с исследователями, которые видели в этих предметах своеобразные жезлы или, вернее, навершия таких жезлов, являвшихся религиозными или светскими символами. Аналогичные изделия с изображением козла происходят с поселения Тепе-Гисар из слоя Гисар (Schmidt, 1937, fig. 116—117). Необычность инвентаря могилы № 109 заставляет предполагать, что в ней было погребено какое-то незаурядное лицо.

Стратиграфия. В 1969 г. А. Я. Щетенко были проведены на раскопе 1 работы по изучению стратиграфии Алтын-депе, начатые еще в 1965 г. (Массон, 1966). Всего здесь было вскрыто четыре строительных горизонтов, из которых три (Алтын 1, 2 и 3) относились ко времени Намазга V, а один (Алтын 4) ко времени Намазга IV (Щетенко, 1968). При продолжении этих работ в 1969 г. была заложена траншея размером 20×4 м, в которой отмечено 11 строительных горизонтов. Из них шесть горизонтов (Алтын 4—9), общей мощностью около 3,25 м, относятся ко времени Намазга IV. Здесь, наряду со строительными остатками, были обнаружены погребения. Из них два взрослых найдены в слое Алтын 5, куда они были впущены из слоя Алтын 4. Оба располагались в скорченной позе на правом боку, головой на северо-запад. Создается впечатление, что перед нами нечто вроде неодновременного парного погребения, когда при повторном захоронении положение тела ранее погребенного было существенно нарушено. Сходная картина наблюдалась и в слое Алтын 6, где были расчищены два взрослых погребения, впущенные туда из слоя Алтын 5. Непотревоженный костяк здесь располагался на правом боку головой на юго-юго-восток, причем под кистью согнутой в локте правой руки находился нерасписной сосудик. Неподалеку от ног был обнаружен частично фрагментированный керамический реликварий кубовидной формы. Но трудно судить, принадлежит ли он к погребальному инвентарю или к заполнению культурного слоя, в котором была вырыта могила.

Керамический материал, полученный в траншее, дает достаточно яркую картину эволюции материальной культуры Алтын-депе (рис. 17—18). Как было установлено еще в 1965 г., слой Алтын 4 содержит керамику восточного варианта комплекса Намазга IV, отличающуюся широким распространением краснофонной керамики. Видимо, сюда же тяготеет и сравнительно малочисленная расписная керамика из слоя Алтын 5. В этом же горизонте найдены глиняные фигурки бычков, в том числе одна с отчетливыми признаками пола. Значительный интерес представляет находка в этом слое предмета, принадлежащего к группе изделий, условно названных реликвариями. Он представляет собой кубовидную коробочку с плоским дном и сторонами, покрытыми резным орнаментом из фигур крестов и пирамидок, окрашенных в красный и черный цвета. При общности исходных мотивов орнамент каждой из четырех сторон не повторяется. Орнамент из пирамидок нанесен и на верхней стороне предмета, где центральное отверстие оформлено в виде фигуры многоступенчатого креста. Ранее подобные изделия, принадлежащие скорее всего к числу культового инвентаря, были известны лишь по сильно фрагментированным образцам (Массон, 1967б, стр. 182, рис. 14). В слое 6 уже господствует расписная керамика так называемого хапузовского типа,

относящаяся ко времени раннего Намазга IV. На гончарном круге в эту пору изготавливались по крайней мере венчики сосудов. Здесь ведущим элементом орнаментальных схем являются фигуры крестов в различных сочетаниях. Роспись производилась черной краской как на красном, так и на светлом розоватом или желтоватом фоне. Можно отметить среди основных мотивов крупный восьмиконечный крест с незакрашенным ромбом в центре — явное наследие геоксюрских традиций. Иногда такой крест, но без центрального ромба, пущен как элемент ритмической системы, вписываясь в сетчатый орнамент. Представляет интерес мотив счетверенного креста, где детали фигуры образованы поперечными прочерками сторон ромба — прием, уходящий уже в традиции расписной керамики типа Намазга III («карадепинский стиль»). Мотив крупного восьмиконечного креста является ведущим и для керамики слоя Алтын 7. То же явление характерно и для посуды горизонта Алтын 8, но здесь как бы все более осязаемое выступает геоксюрская подоснова данного расписного стиля. Так, распространена двухцветная роспись красным и черным как на крупных сосудах типа хумов, так и на небольших чашах. Следует отметить мотив крупного восьмиконечного креста, образованного фоновым просветом внутри ромба. К этому комплексу тяготеет керамика Алтын 9, представленная, правда, незначительным числом образцов.

Следующие пять строительных горизонтов (Алтын 10—14), общей мощностью в 2,75 м, содержали керамику геоксюрского типа, распространенную в Юго-Восточной Туркмении в пору Намазга III и позднего Намазга II. Полихромная керамика этого стиля достаточно выразительно представлена уже в слое Алтын 10, где, правда, некоторая небрежность и схематичность указывают на ее поздний характер (тип Чонг-депе). В слоях Алтын 12 и Алтын 13 уже встречены фрагменты керамики с типично геоксюрскими крестами. Несколько более беден комплекс расписной керамики из слоя Алтын 14, но и здесь находки черепков с росписью красной сеткой указывают на его принадлежность к посуде геоксюрского типа, возможно, в одном из ранних вариантов.

Стратиграфические изыскания на Алтын-депе, проведенные в 1969 г., представляют интерес в целом ряде отношений. Прежде всего, здесь достаточно отчетливо выступает эволюция местной керамики типа Намазга IV на базе местных же энеолитических традиций. Далее выясняется, что Алтын-депе был достаточно крупным центром уже в пору существования посуды геоксюрского типа, когда была обжита по крайней мере вся восточная часть поселения. Соответствующие слои в 1969 г. были обнаружены на раскопах 1 и 8, а ранее у основания «холма стены» и на юго-востоке поселения в шурфе 1960 г. (Сарнианиди, 1965, стр. 27). Вместе с тем, обращает на себя сравнительно небольшая мощность слоев времени Намазга IV на раскопе 1 (не более 3,5 м), в то время как на «холме стены» соответствующие напластования достигают 9 м (Массон, 1967б, стр. 170). Однако следует иметь в виду, что в последнем разрезе около 5 м приходится всего на три строительных горизонта, образованных там достаточно монументальными остатками обводной стены. Наоборот, сравнительно небольшая мощность слоев с керамикой геоксюрского типа находит подтверждение в материалах других памятников. На самом поселении Геоксюр соответствующие напластования достигают мощности 2,5 м, к чему, видимо, надо добавить 1 м позднегеоксюрских слоев, вскрытых на Хапуз-депе. Судя по всему, геоксюрский период был весьма непродолжителен, так же, как и частично синхронизируемый с ним комплекс Намазга III. На Кара-депе слои Намазга III достигают толщины 2,5 м,

что, судя по стратиграфии восточных памятников, является максимальной цифрой для этого комплекса.

Хронология. Относительная хронология в пределах комплекса Намазга V вызывает известные трудности в связи с тем, что основной массовый материал — керамика практически лишена орнаментации, обычно чутко реагирующей на временные изменения. В стратиграфическом раскопе 1 было отмечено три строительных горизонта (Алтын 1, 2 и 3) с керамикой типа Намазга V общей мощностью не менее 2,5 м (Массон, 1967б; Щетенко, 1968). Возможно, нижний из этих горизонтов соответствует двум строительным этапам. В слоях Алтын 1 и 2 в изобилии встречались керамические кольцевидные подставки, что, судя по всему, является одной из характерных черт поздних комплексов типа Намазга V. Ранее наличие таких подставок рассматривалось как характерная черта уже керамики Намазга VI, но новые раскопки позволяют относить ко времени Намазга VI лишь комплексы, в которых наряду с подставками появляется и серая керамика (Щетенко, 1969). Если исходить из этих признаков, то керамику Алтын-депе с раскопов 5, 7, 8 и 9 следует относить ко времени раннего Намазга V, синхронизируя со слоем Алтын 3 стратиграфического раскопа. Вместе с тем, нельзя не видеть, что на это время и на раскопе 7 и на раскопе 8 приходится три строительных этапа или периода. Видимо, стратиграфический раскоп не отражает всей протяженности во времени комплекса Намазга V. Недаром шурф, заложенный на «холме жилых кварталов», установил, что мощность слоев Намазга V достигает здесь пяти метров, что должно соответствовать шести — восьми строительным горизонтам, или четырем — пяти столетиям.

Абсолютная хронология комплекса Намазга V — основного, изучаемого в настоящее время на Алтын-депе, определяется как сравнением с материалами Ирана, Месопотамии и Индии, так и определением возраста органических остатков методом радиоуглеродного анализа. Южно-туркменистанские материалы времени Намазга V дают ряд хороших синхронизмов с развитой и поздней Хараппой (Массон, 1967б; Щетенко, 1968), что в целом указывает на XX—XVIII вв. до н. э. Близкие результаты дает и сопоставление алтыновских терракот и керамики с материалами Месопотамии. Так, характернейшая форма комплекса Намазга V — горшок на поддоне поразительно близка типичной форме сосудов древневавилонского периода (Delougaz, 1952, p. 122; fig. 132).

Для среднеазиатских памятников эпохи бронзы в настоящее время имеется целая серия и радиоуглеродных дат. Так, в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР были определены следующие образцы:

Алтын-депе, раскоп 1, слой Алтын 4, позднее Намазга IV (ЛЕ-664)	2120 ± 50 г. до н. э.
Алтын-депе, раскоп 5, пом. 29, раннее Намазга V (ЛЕ-770)	2710 ± 50 г. до н. э.
Алтын-депе, раскоп 7, раннее Намазга V (ЛЕ-769)	1310 ± 60 г. до н. э.
Алтын-депе, раскоп 7, раннее Намазга V (ЛЕ-767)	1190 ± 60 г. до н. э.
Намазга-депе, раскоп на «вышке», позднее Намазга VI (ЛЕ-665)	1030 ± 60 г. до н. э.
Кучук-тепе у Термеза, слои типа Яз-депе I (ЛЕ-773)	900 ± 60 г. до н. э.

Ряд определений для эпохи бронзы был сделан в лаборатории в Берлине:

Алтын-депе, раскоп 7, раннее Намазга V (Bln 716)	2170±100 г. до н. э.
Алтын-депе, раскоп 7, раннее Намазга V (Bln 717)	2075±100 г. до н. э.
Улуг-депе, слой 2, позднее Намазга IV (Bln 714)	2146±100 г. до н. э.
Улуг-депе, слой 3, Намазга IV (Bln 715)	2190±100 г. до н. э.

Если определения поздних комплексов соответствуют археологической стратиграфии, указывающей на взаимопоследовательность комплексов Намазга VI и Яз-депе I, то для более ранних периодов налицо явный разнобой. Нужно прямо сказать, что из системы абсолютной хронологии, устанавливаемой методом синхронизации, выступают даты ЛЕ-770, ЛЕ-767 и ЛЕ-769, тогда как остальные даты (четыре берлинские и одна ленинградская) ложатся в предполагаемые этой синхронизацией пределы. Установление причин подобных расхождений, в системах радиоуглеродной хронологии далеко не редких, должно быть предметом специальных исследований. На данном этапе наших знаний, учитывая всю сумму источников информации, комплексы раннего Намазга V можно ориентировочно датировать 2100—1850 гг. до н. э., комплексы позднего Намазга V — 1850—1650 гг. до н. э.

Некоторые вопросы исторической интерпретации. Работы 1969 г. были пятым сезоном раскопок Алтын-депе, проводящихся силами ЮТАКЭ и ЛОИА АН СССР. Накопленный за это время обширный вещевой материал, вскрытые архитектурные комплексы и произведенные полевые наблюдения ставят Алтын-депе в число наиболее изученных памятников эпохи бронзы на территории СССР. Развернутая интерпретация всех этих новых данных будет иметь немаловажное значение для понимания процесса формирования раннегородской цивилизации, этого естественного экономического и культурного основания древнейших классовых обществ. В настоящем предварительном сообщении остановимся кратко лишь на трех вопросах, связанных с истолкованием достигнутых результатов.

Многолетние систематические работы позволили подойти к дифференцированному рассмотрению истории Алтын-депе как конкретного поселения. Для эпохи его расцвета — времени Намазга V — отчетливо выделяются два периода его существования, а работы на раскопах 7 и 8 позволяют говорить о выделении в пределах первого, раннего периода, трех этапов. Все они соответствуют времени раннего Намазга V. На самом раннем, первом этапе, на восточной окраине Алтын-депе возводится ранний, небольшой зиккурат. Все поселение растет на юг, где на оплывших холмах энеолитического времени появляются многокомнатные жилые дома. Второй этап это время наивысшего расцвета Алтын-депе. В культовом комплексе перестраивается и существенно увеличивается в размерах зиккурат, рядом с ним появляется новая монументальная постройка — «дом с обводом». На южной окраине поселения оформляется обводная стена с башнями. Наконец, третий этап это время начинающегося упадка. В культовом комплексе около «дома с обводом» строится весьма небрежный «угловой дом», на юге к обводной стене снаружи пристраиваются комнаты, ослабляющие ее фортификационное значение. Эта тенденция к запустению и упадку отчетливо продолжается во втором периоде, в пору позднего Намазга V. В это время обжитая территория на

Алтын-депе сокращается почти вдвое. Во всяком случае, на раскопах 5, 7, 8 и 9 материал типа позднего Намазга V не представлен. Пока трудно судить о причинах этого постепенного упадка, приходящегося согласно предлагаемой хронологии на XIX—XVII вв. до н. э. Возможно, здесь значительную роль сыграли кризисные явления внутри местного общества. Вместе с тем, совершенно ясно, что крупнейший раннегородской центр на юге Средней Азии, каким является Алтын-депе, гибнет не внезапно в результате какой-то единовременной катастрофы, а приходит в запустение постепенно.

Второй вопрос — это историческое место культуры, столь выразительно представленной раскопками на Алтын-депе. Все признаки указывают на то, что перед нами формирующаяся раннегородская цивилизация древневосточного типа. Новые исследования в Иране, Афганистане и Белуджистане явно показывают, что сходные процессы во второй половине III — начале II тыс. до н. э. протекали также и здесь. Об этом свидетельствует открытие памятников монументальной архитектуры в Мундигаке (Casal, 1961) и на ряде северо-белуджистанских памятников (Fairservis, 1967, pp. 12—14). Крупным центром Сеистана, с бесспорными чертами раннегородского поселения, было Шахри-Сохте (Tosi, 1968). Однако все эти культуры заметно уступают великим городским цивилизациям Шумера, Вавилонии, Элама и Хараппы. Видимо, следует говорить о целой зоне раннегородских культур второго порядка, составлявших периферию высокоорганизованных обществ Месопотамии и долины Инда. Важным центром и важной составной частью этой плеяды звезд малой величины был и Южный Туркменистан. В пределах этой обширной зоны между культурами отдельных ее центров наблюдается значительное сходство, частично объясняемое развитием межрегиональных контактов и торговли. Как уже отмечалось в литературе, бронзовые печати времени Намазга V имеют много общего с глиптикой Гисара, Мундигака и сеистанских памятников. Наличие в Мундигаке каменных печатей с узором, выполненным в технике высверливания, поразительно близких аналогичным находкам на Алтын-депе (Casal, 1961, v. II, Pl. XLV, a, 9—11), является лишним свидетельством в пользу интенсивных юго-восточных культурных связей южно-туркменистанских племен. Отдельные аналогии могут быть отмечены и в формах керамических сосудов (сосуды на поддонах в Сеистане — Fairservis, 1961, fig. 39 h; 40 f; выкружка у днища хумов в Мундигаке — Casal, 1961, v. II, fig. 78). Но именно в керамических комплексах особенно наглядно выступает независимый и самостоятельный характер отдельных центров, опирающихся на автохтонные, локальные традиции. Так, на Алтыне и Намазге в пору Намазга V расписную посуду решительно вытесняет неорнаментированная светлофонная керамика. В Сеистане и на Мундигаке, наоборот, традиции расписной керамики со специфическим, местным набором мотивов держатся довольно стойко. В юго-восточном Прикаспии расписная керамика исчезает так же, как и в южном Туркменистане, но на смену ей приходит черная и серая посуда типа Гисара III (Schmidt, 1937; Deshayes, 1965, 1966). Тем больший интерес представляют общие закономерности исторического развития, прослеживаемые во всех этих трех центрах на фоне этнокультурного разнообразия и пестроты.

Наконец, третий вопрос связан с теми новыми аспектами, которые открывают раскопки на Алтын-депе в изучении истории среднеазиатской архитектуры. Переход к прочной оседлости, связанный с утверждением земледельческой экономики, имел в числе своих многочисленных последствий и появление сырцово-глиняной архитектуры. Вместе с тем, для подавляющего большинства южно-туркменистанских строений

эпохи неолита и энеолита характерна утилитарность, отражавшаяся и в масштабах строений и в стихийности иррегулярности планов поселений. Даже крупные многокомнатные дома-массивы, разделенные узкими проулками, утвердившиеся в качестве основного вида построек в пору позднего энеолита, как правило, представляют собой не заранее спланированный комплекс, а стихийно разрастающееся строение. Эта древняя традиция полностью сохранена рядовой архитектурой времени Намазга V, как это наглядно показывает планировка, вскрытая на раскопах 1 и 5 на Алтын-депе.

Вместе с тем, в этот период появляются и качественно новые черты — стремление к монументальности и к строгой, можно сказать геометрической, регулярности плана. Ярким примером последней тенденции может служить «дом вождя», четкая выдержанность плана которого столь заметно контрастирует с планировкой рядовых кварталов Алтына и Намазга. Видимо, в данном случае архитектура откликнулась на социальный заказ, уходящий корнями в имущественную дифференциацию общества, в выделение племенной аристократии и противопоставление ее массе рядовых общинников. Недаром на Тепе-Гисаре в слое Гисар III В также раскопан отдельно расположенный дом, являвшийся скорее всего жилищем знатной семьи. Еще большее значение имеет появление монументальной архитектуры, установленное работами на раскопе 7. Прибавочный продукт, возрастающее количество которого лежало в основе всего процесса формирования раннегородских цивилизаций, позволял обществу осуществлять эти своеобразные престижные стройки как одну из форм самоутверждения.

Комплекс строений, вскрытый на раскопе 7, представляет интерес в двух отношениях. С одной стороны, перед нами явное отражение влияния шумерской архитектуры. Это касается прежде всего самого приема оформления стен ритмично расположенными контрфорсами. Как пишет Г. Фрэнкфорт, месопотамские храмы с древнейших времен отличались от обычных зданий широким использованием контрфорсов как в интерьере, так и на фасадах (Frankfort, 1954, p. 3). Ступенчатые в плане контрфорсы, идентичные алтыновским, появляются в Южном Двуречье в последней трети IV тыс. до н. э. и широко представлены в архитектуре конца III тыс. до н. э. К числу месопотамских воздействий следует относить и саму идею ступенчатого башнеобразного сооружения. Возможно, уже платформы убейдских храмов в Эреду олицетворяли священную гору, эффектным воплощением которой стал зиккурат. При этом ранние зиккураты Двуречья нередко в плане имели форму не квадрата, а прямоугольника. Таков, в частности, и знаменитый зиккурат Ура, построенный в XXII в. до н. э.

Вместе с тем, при таких бесспорных месопотамских reminiscences отличия алтыновского комплекса также ясны и очевидны. Зиккураты Двуречья, так же как и месопотамские храмы, ориентированы углами по странам света, тогда как на Алтын-депе строго соблюдена ориентация фасада по линии север—юг. Это обстоятельство тем более неожиданно, что южно-туркменистанские святилища поры энеолита также обычно ориентированы по странам света (Сарианиди, 1962). Но главное отличие состоит в том, что на Алтыне регулярным и монументальным оказывается лишь оформление внешнего, парадного фаса всего комплекса, за которым следует традиционная «стихийная» планировка энеолитического облика. Это же сочетание кстати характерно и для так называемого «дворца» на Мундигаке, чей эффектный фасад украшают сомкнутые полуколонны. Вероятно, ограниченные производственные возможности городских цивилизаций второго порядка вызвали к жизни этот своеобразный симбиоз, так впечатляюще иллюстрируемый планом строений, открытых на раскопе 7. Экономич-

ческий потенциал обществ, расположенных вне зоны ирригационного земледелия великих рек, был несравненно более ограничен, и их путь к цивилизации был и более длительным, и более трудным. Тем больше оснований отдать должное трудолюбию и настойчивости южно-туркменских племен эпохи бронзы, чьим выдающимся памятником бесспорно является Алтын-депе.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Вуллс Л., 1961. Ур халдеев. М.
- Ганялин А. Ф., 1967. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе. СА, № 4.
- Кузьмина Е. Е., 1966. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзового века Средней Азии. М.
- Лисицина Г. Н., 1968. Растительность Южной Туркмении в VI—I тысячелетиях до н. э. по данным определения углей, Каракумские древности, вып. II. Ашхабад.
- Массон В. М., 1966. Раскопки на Алтын-депе: Археологические открытия 1965 года. М.
- Массон В. М., 1967а. Протогородская культура Алтын-депе. Археологические открытия 1966 года. М.
- Массон В. М., 1967б. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, № 3. Ч
- Массон В. М., 1968а. Монументальная архитектура Алтын-депе. Археологические открытия 1967 года. М.
- Массон В. М., 1968б. Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане. СА, № 2.
- Массон В. М., 1969а. Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе. Археологические открытия 1968 года. М.
- Массон В. М., Сариниди В. И., 1969. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы, ВДИ, № 1.
- Сариниди В. И., 1965. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.
- Сариниди В. И., 1966. Раскопки могильников на Гескюре и Алтын-депе. Археологические открытия 1965 года. М.
- Сариниди В. И., 1967а. Раскопки на Алтын-депе и Хапуз-депе. Археологические открытия 1966 года. М.
- Сариниди В. И., 1967б. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М.
- Щетенко А. Я., 1968. Раскопки на Алтын-депе в Южной Туркмении. КСИА, в. 114.
- Щетенко А. Я., 1969. Раскопки Тайчанак-депе и Намазга-депе. Археологические открытия 1968 года. М.
- Casal J. M., 1961. Fouilles de Mundigak, vv. I—II, MDAFA, t. XVII, Paris.
- Delougoz P. 1952. Pottery from the Diyala Region, OJP, v. LXIII, Chicago.
- Deshayes J., 1965. Rapport préliminaire sur les troisième et quatrième campagnes de fouille a Tureng Tèpè, Iranica antiqua, v. V, fasc. 2.
- Deshayes J., 1966. Rapport préliminaire sur la Sixième campagne de fouille á Tureng Tèpè, Iranica antiqua, v. VI.
- Fairservis W. A., 1961. Archeological Studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran, New York.
- Fairservis W. A., 1967. The Origin, Character and Decline of an Early Civilization. American Museum Novitates, № 2302, New York.
- Frankfort H., 1954. The Art and Architecture of the Ancient Orient, Baltimore.
- Masson V. M., 1968. The Urban Revolution in South Turkmenia, Antiquity, v. XLII.
- Tosi M., 1968. Excavation at Shahr i Sokhta a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan. East and West, v. 18, № 1—2.
- Schmidt E. F., 1937. Excavation at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia.

S u m m a r y.

Large scale excavations of Altin-depe were continued in 1969. A household court with hearts and various rooms (fig. 1) was discovered in digging 7 (so called «monumental architecture digging»). This court and rooms were a household complex for the ziggurat (figs. 3—4). One room was used in early period as a burial chamber (fig. 2). An enclosure wall and probably towers were excavated in digging 8 (fig. 5). One of the most interesting openings — the «chief house» was discovered in digging 9 (fig. 6). Simple many-roomed house and kilns were excavated at «Craftsmen's Hill» (digging 10). Here were found also three burial, one of them with pottery, seal, and goat headed pin (fig. 16). The work at stratigraphical digging (№ 1) was also continued. Six levels (Altin 4—9) containing Namazga IV pottery (fig. 17) were excavated here and five levels (Altin-10—14), containing the pottery of Geoksur type (fig. 18). All the finds from digging 7, 8 and 9 belonged to Early Namazga V period (circa 2100—1850 b. c.). In Late Namazga V period (circa 1850—1650 b. c.) we saw the start of decline. Monumental ziggurat, enclosure wall and «Chief house» fall victim to neglect. We proposed that protourban (or early urban) culture of Altin-depe as well as Mundigak IV, Shachri-Sokhte etc. demonstrated an urban civilization of the «second line» in the region «first-line civilization» — Harappa and Sumer.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Рис. 1. Алтын-депе. План раскопа 7.
- Рис. 2. Алтын-депе. Коллективное погребение раскоп 7, помещение 32. 1—24 — керамические сосуды; 110—123 — номера погребений.
- Рис. 3. Алтын-депе. Реконструкция А. К. Филипповым монументальных сооружений 1 периода.
- Рис. 4. Алтын-депе. Реконструкция А. К. Филипповым монументальных сооружений 2 периода.
- Рис. 5. Алтын-депе. План раскопа 8.
1—стены 1, 2 этапов; 2—стена 3 этапа.
- Рис. 6. Алтын-депе. План раскопа 9 («Дом вождя»).
- Рис. 7. Алтын-депе. Керамика типа Намазга V.
1—раскоп 7, помещение 12; 2—12 — раскоп 7, помещение 32.
- Рис. 8. Алтын-депе. Керамика типа Намазга V.
1—3, 7, 8, 11—раскоп 7, помещение 32; 4—раскоп 10, помещение 3; 5, 9—раскоп 9, помещение 5; 6—раскоп 9; 10—раскоп 10.
- Рис. 9. Алтын-депе. Женские статуэтки (1—10, 12) и фрагмент керамики с прорезным орнаментом (11).
1—раскоп 7, к Ю-З от помещения 20; 2—раскоп 5, улица «широкая»; 3—раскоп 9, к В. от помещения 5; 4—раскоп 8; 5, 7, 8, 10, 11—«холм вышки»; 8—раскоп 9; 9—раскоп 7; 12—раскоп 9, улица.
- Рис. 10. Алтын-депе. Женские статуэтки.
1, 3, 4—«холм вышки»; 2—раскоп 7; 5—«холм жилых кварталов»; 6—«холм меди».
- Рис. 11. Алтын-депе. Мужские статуэтки (1, 2, 4, 5) и антропоморфная фигурка (3).
1—раскоп 5, улица «поперечная»; 2, 6—«холм жилых кварталов»; 3—раскоп 9, к В. от улицы; 4—«холм вышки»; 5—«малая площадь».
- Рис. 12. Алтын-депе. Различные изделия.
1—глиняная модель повозки — раскоп 5, улица «поперечная»; 2—фрагмент керамики со звездчатым орнаментом — раскоп 9, к В. от улицы; 3—нижняя часть женской статуэтки — «холм вышки».
- Рис. 13. Алтын-депе. Фигурки животных.
1—раскоп 9; 2, 4, 5—«холм вышки»; 6—«холм стены»; 7—раскоп 8.
- Рис. 14. Алтын-депе. Кремневые наконечники стрел.
1—«холм стены»; 3, 4, 8—«холм вышки»; 5—раскоп 9, к Ю-В от улицы; 6, 7—«холм жилых кварталов»; 9—раскоп 7, помещение 32; 11—раскоп 9, помещение 4.
- Рис. 15. Алтын-депе. Различные поделки.
Бусы (1—6); керамическая поделка (7); ядра пращи (8, 12); поделка из камня (9); печати (10—11); 2, 3, 4—раскоп 7, помещение 32; 6—раскоп 10, погребение 108; 8—раскоп 7, к Ю-З от помещения 20; 12—раскоп 8; 10—«холм вышки»; 11 — раскоп 9, помещение 6.
- Рис. 16. Алтын-депе. Женская статуэтка (1) и бронзовые изделия. Печати (2, 3), бронзовая булавка (4); 1, 2 — раскоп 10, погребение 109; 3—«холм жилых кварталов»; 4—раскоп 9, к востоку от помещения 5.
- Рис. 17. Алтын-депе. Керамика из раскопа 1 (из слоев Алтын-депе 5—10).
- Рис. 18. Алтын-депе. Керамика из раскопа 1 (из слоев Алтын-депе 10—15).

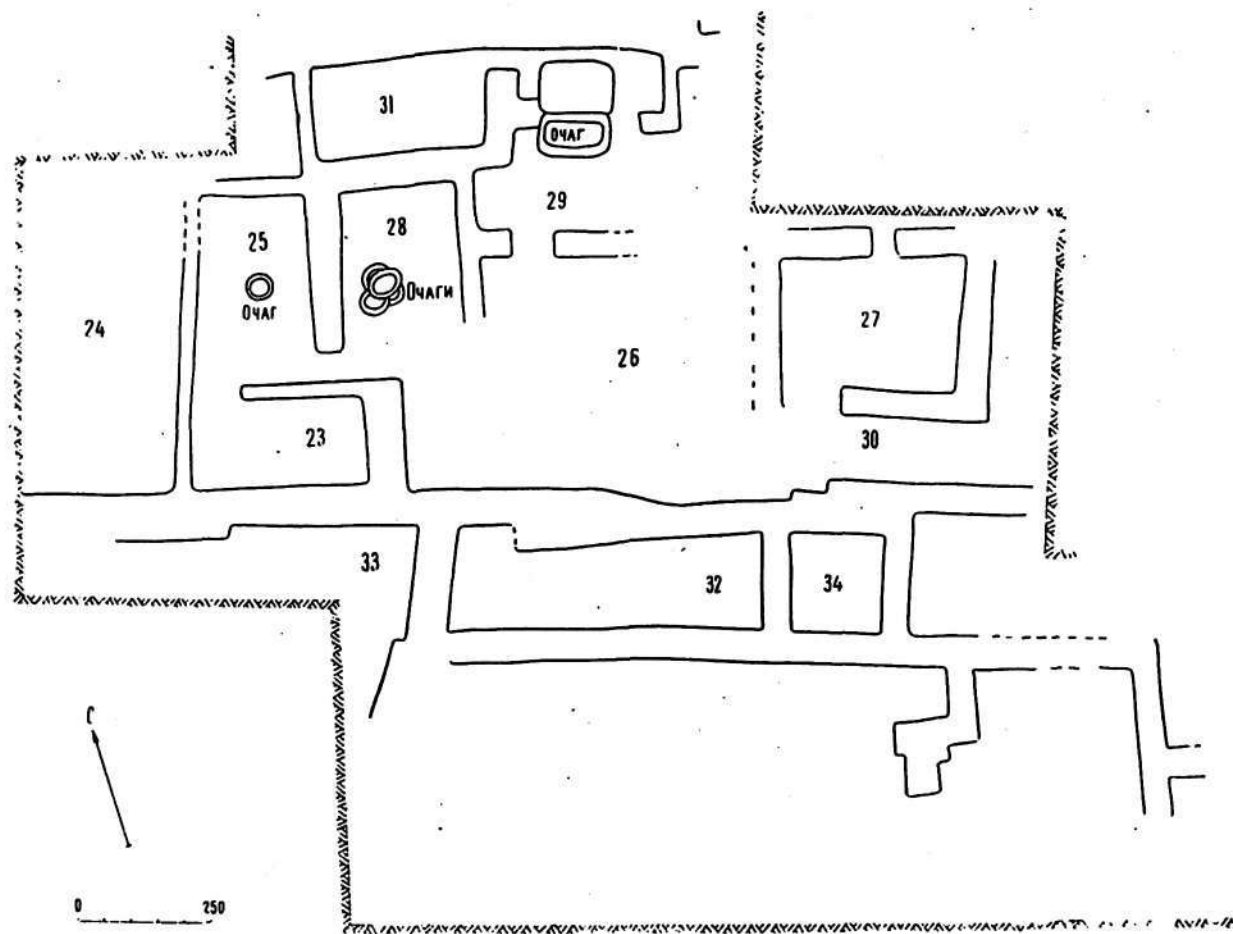

Рис. 1.

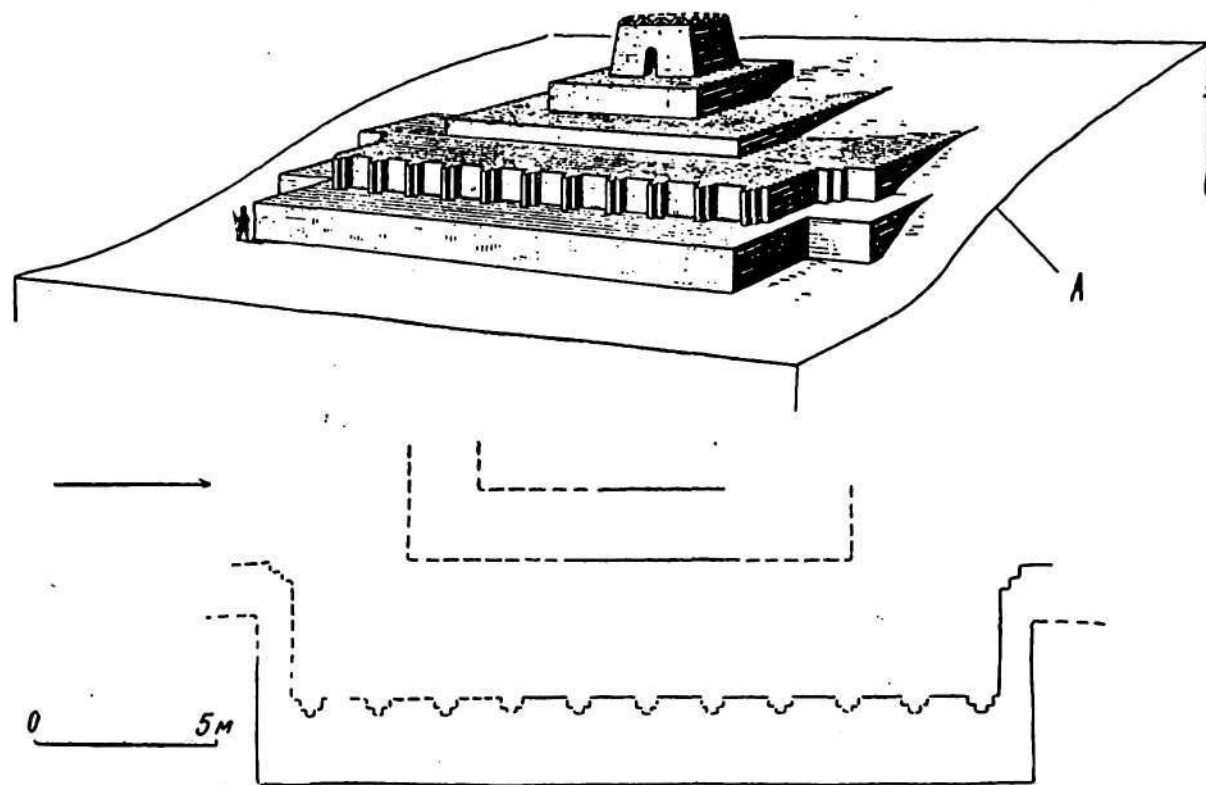

Рис. 3.

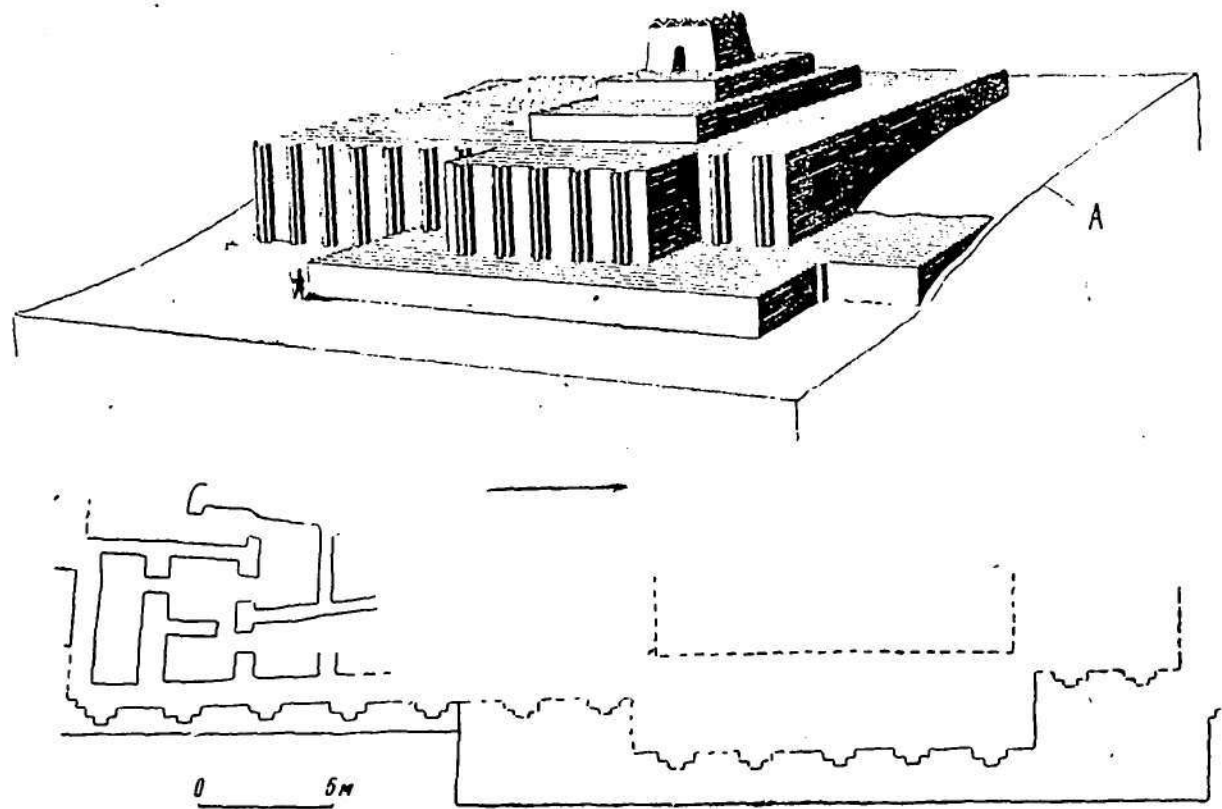

Рис. 4.

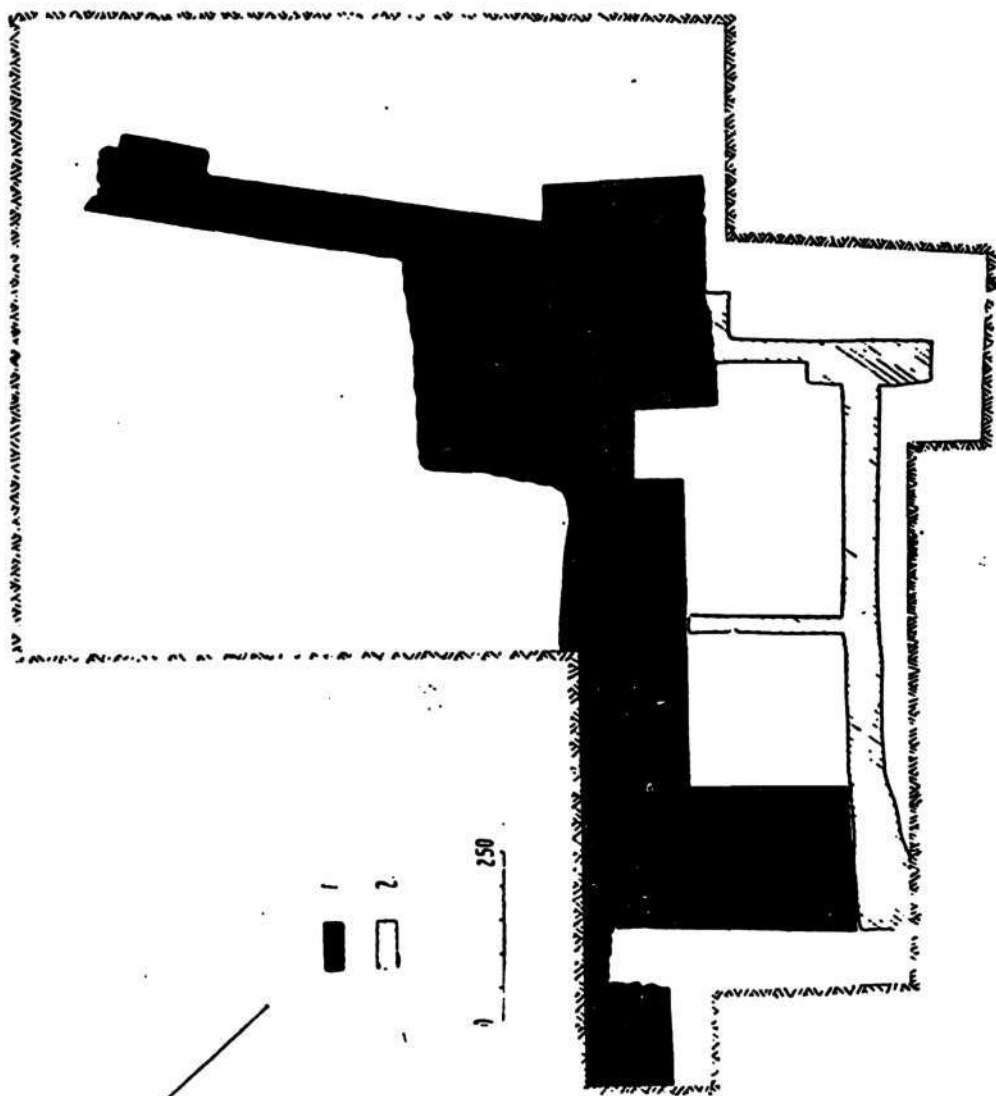

Рис. 5.

АЛТЫН-ДЕЛ 1969

Раскол 9

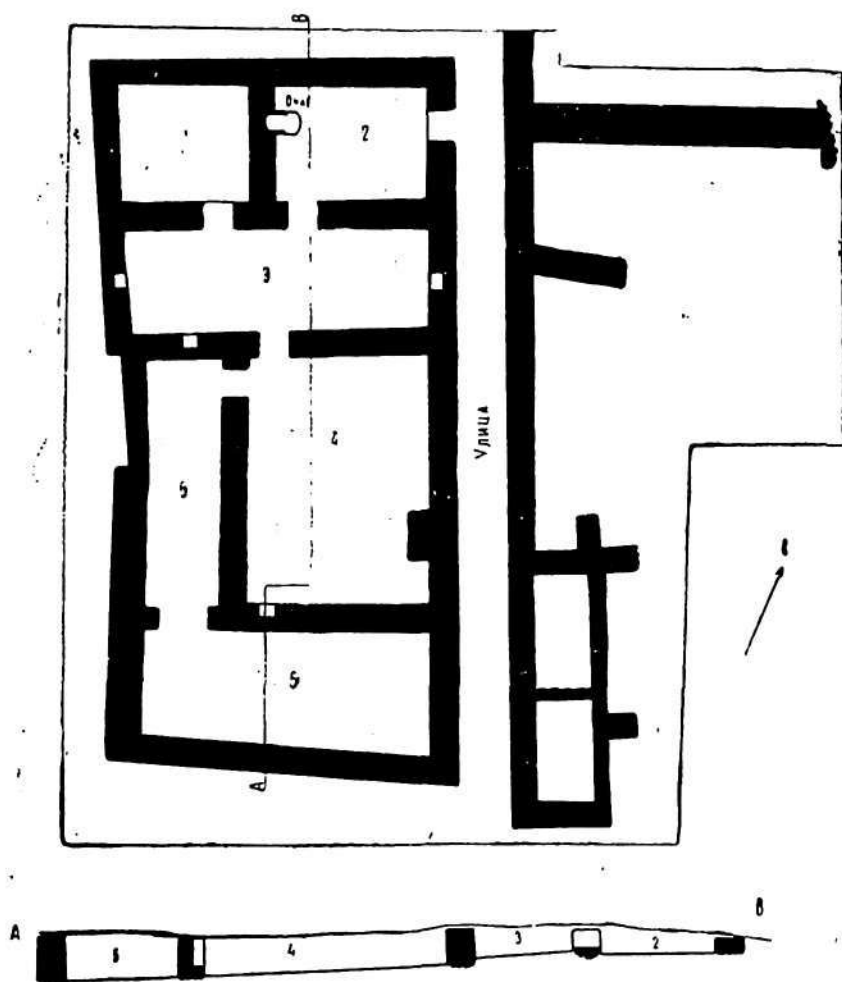

Рис. 6.

Дом вонсиз

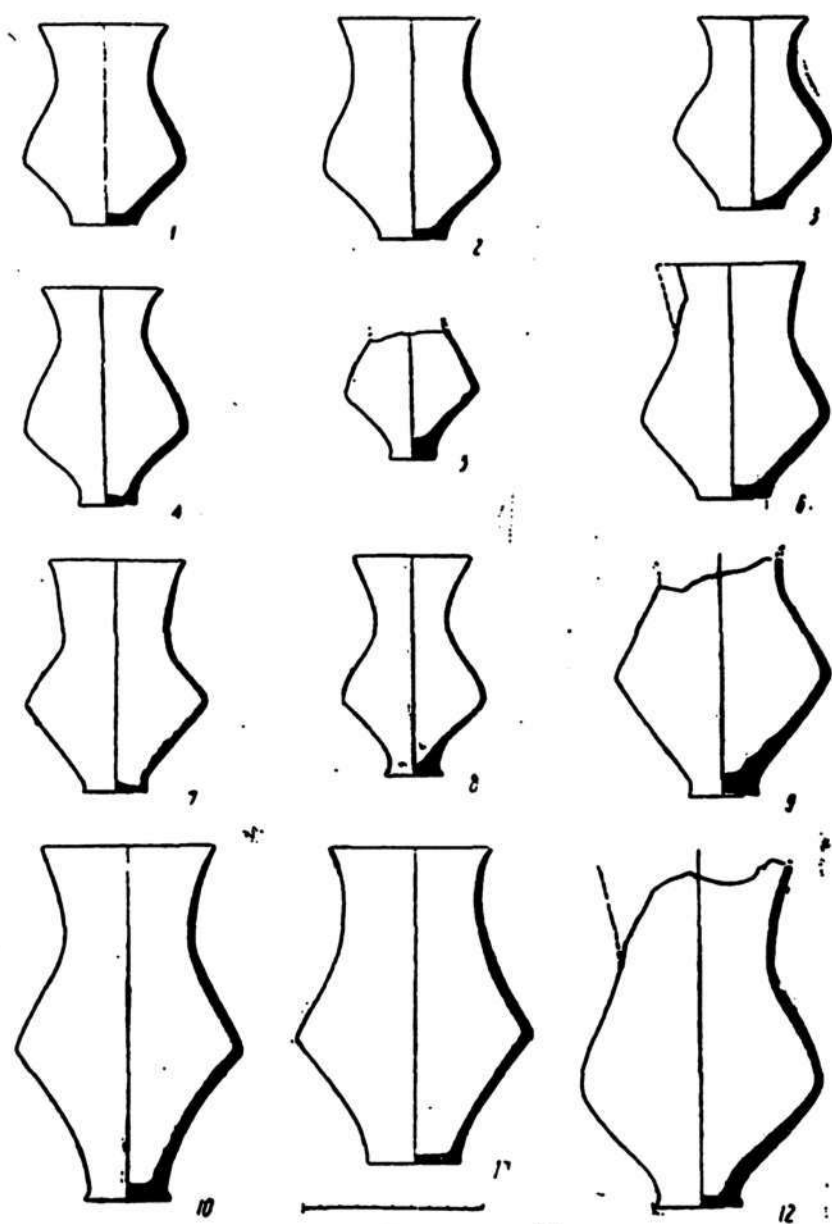

Рис. 7.

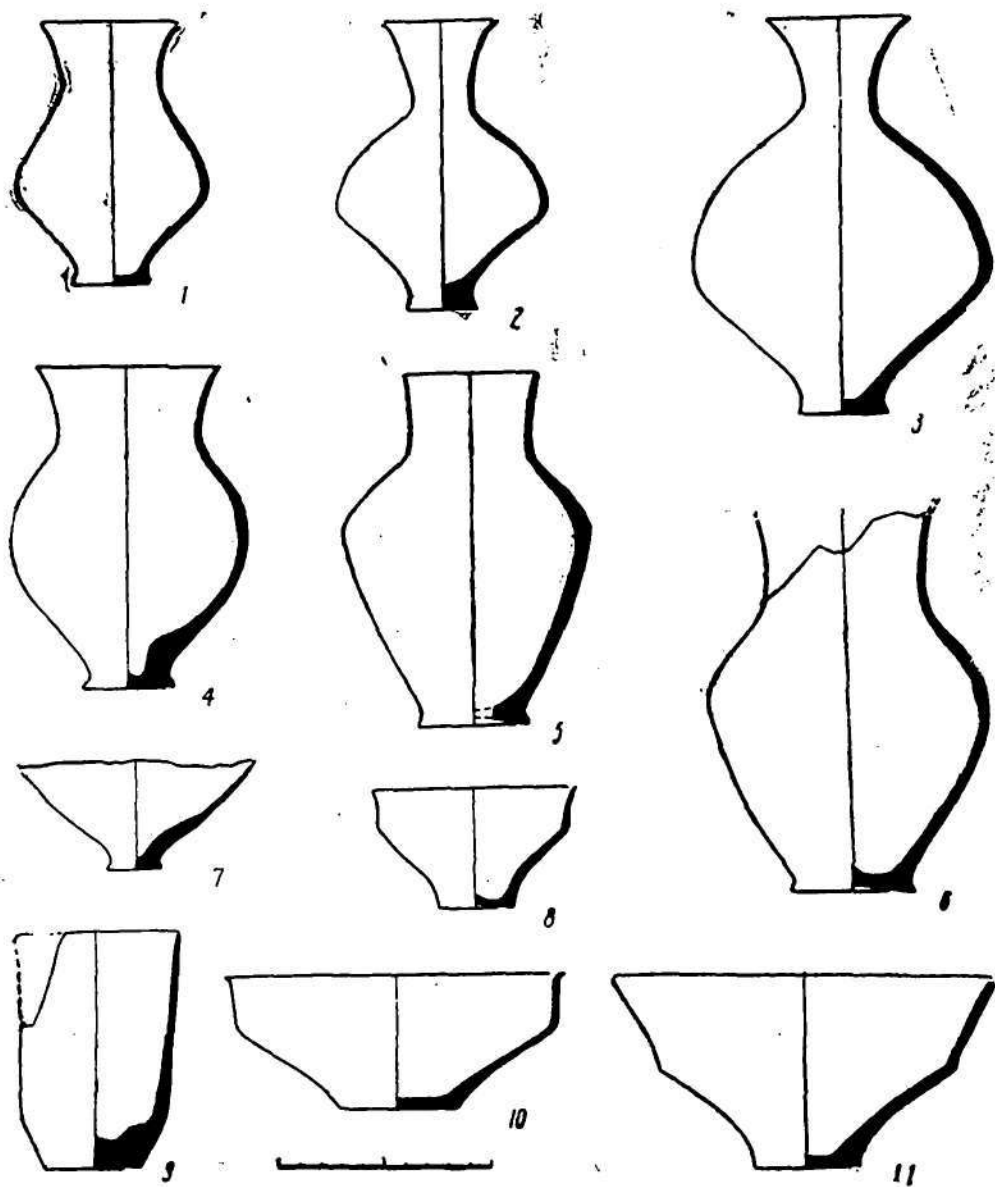

Рис. 8.

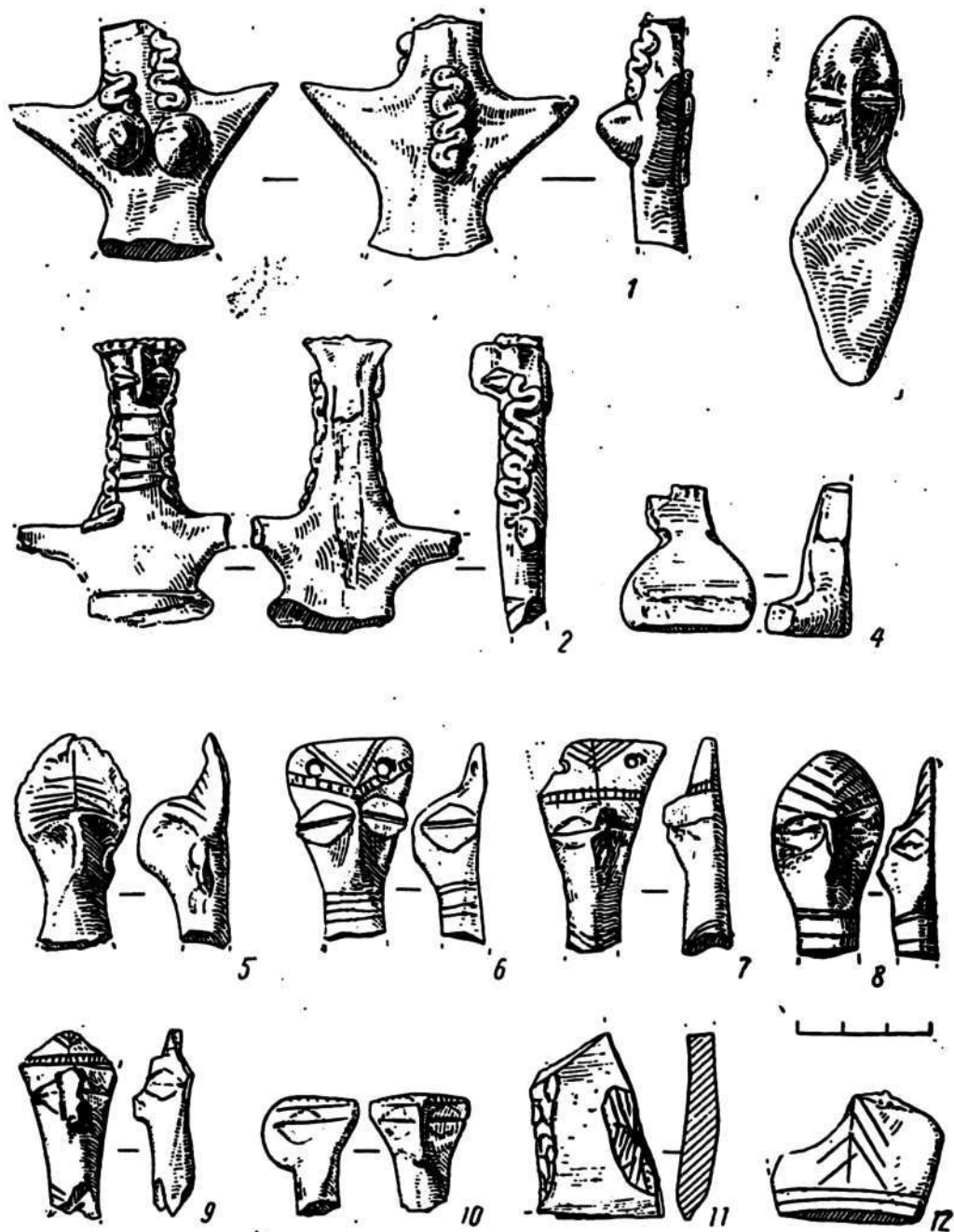

Рис. 9.

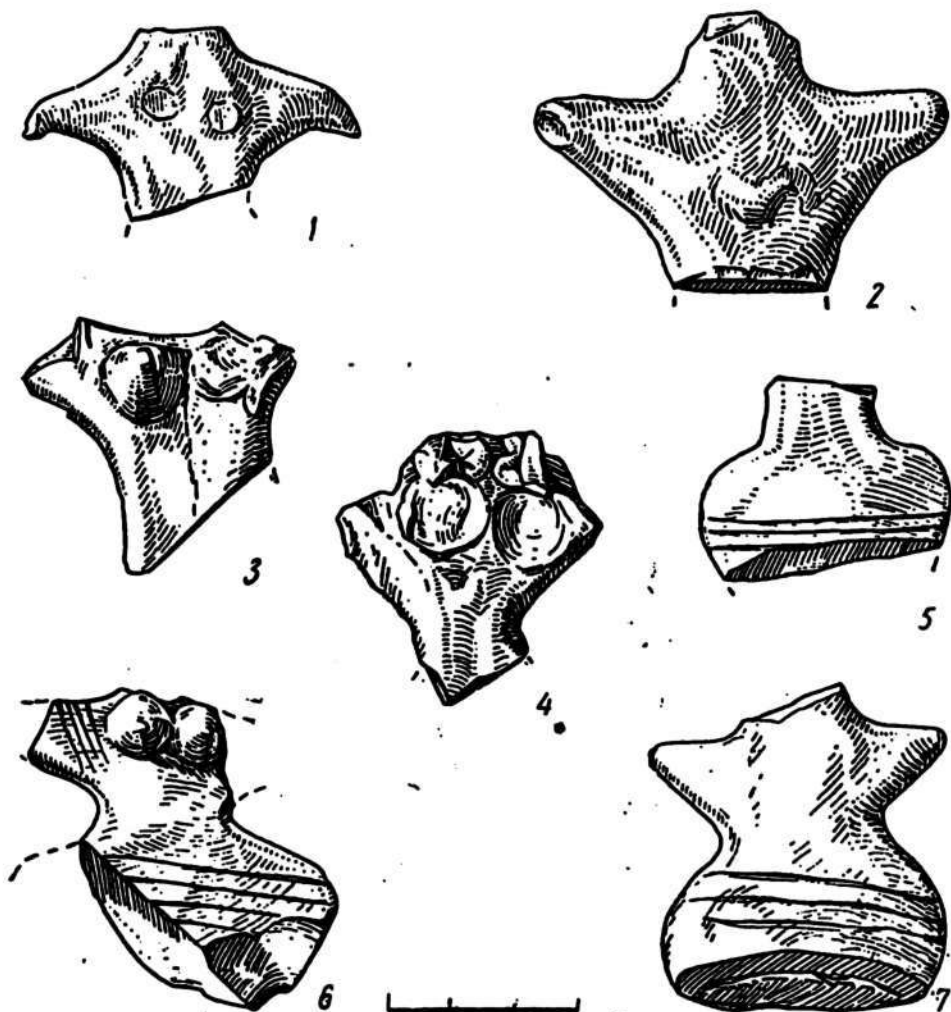
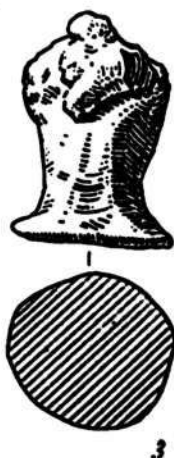
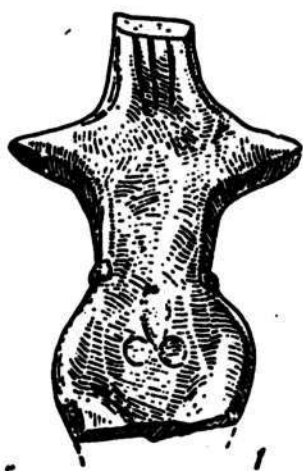
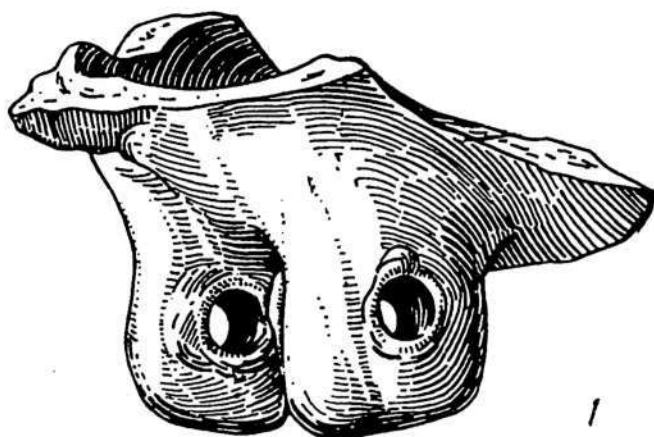

Рис. 10.

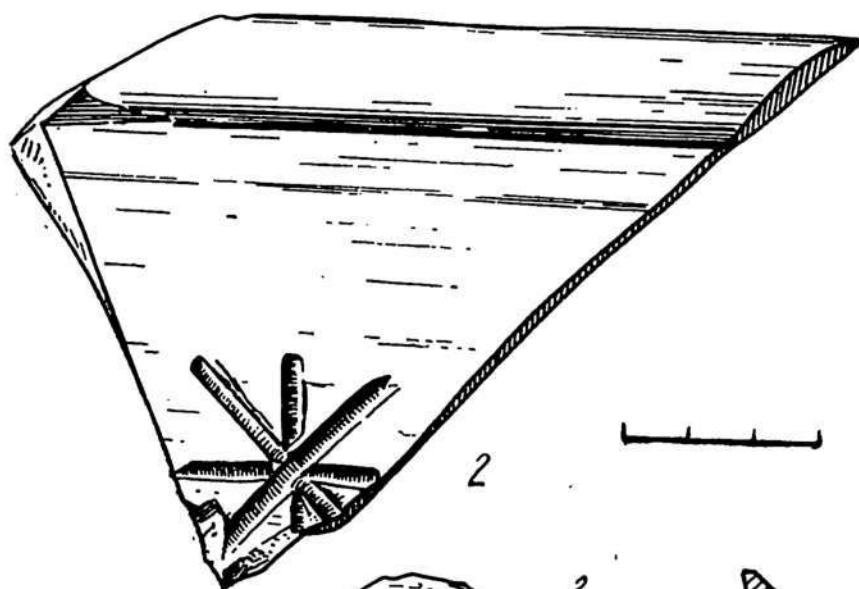
Чужеские фигурки

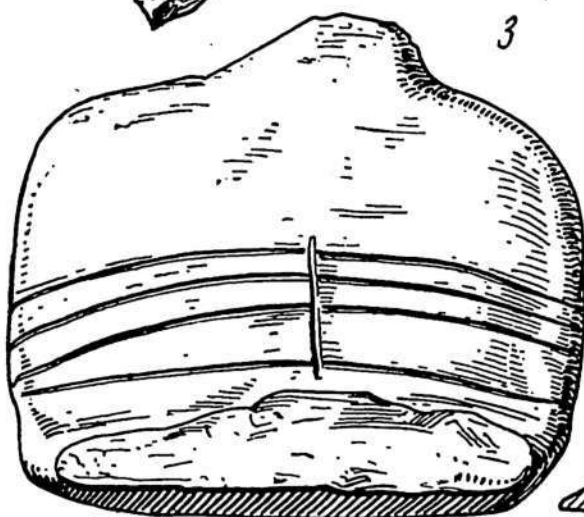

глин. мед.
навозки

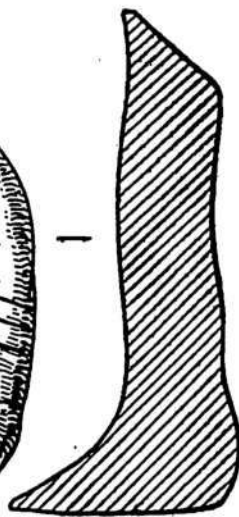
1

2

3

глин. мед.

Рис. 12.

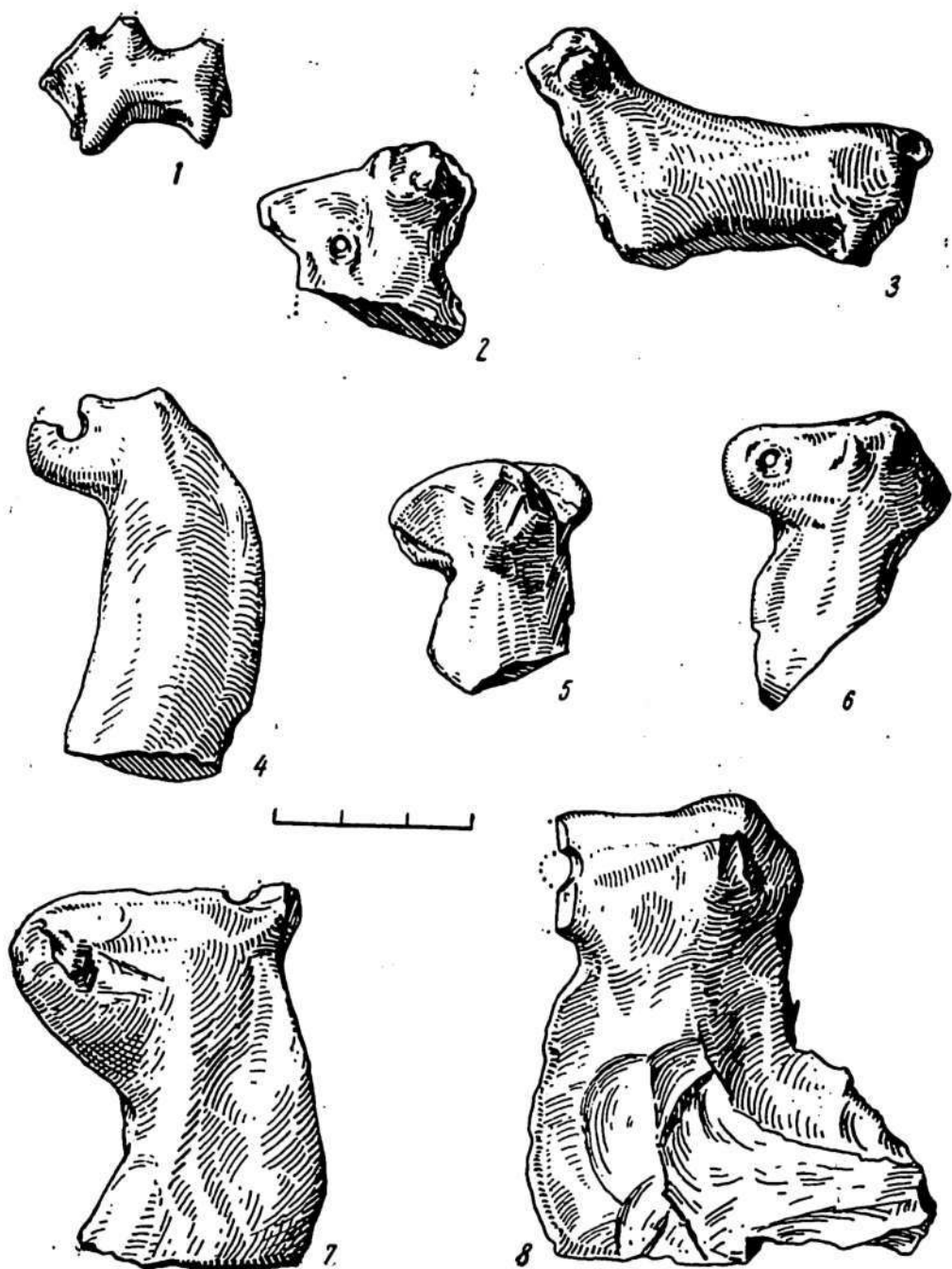

Рис. 13.

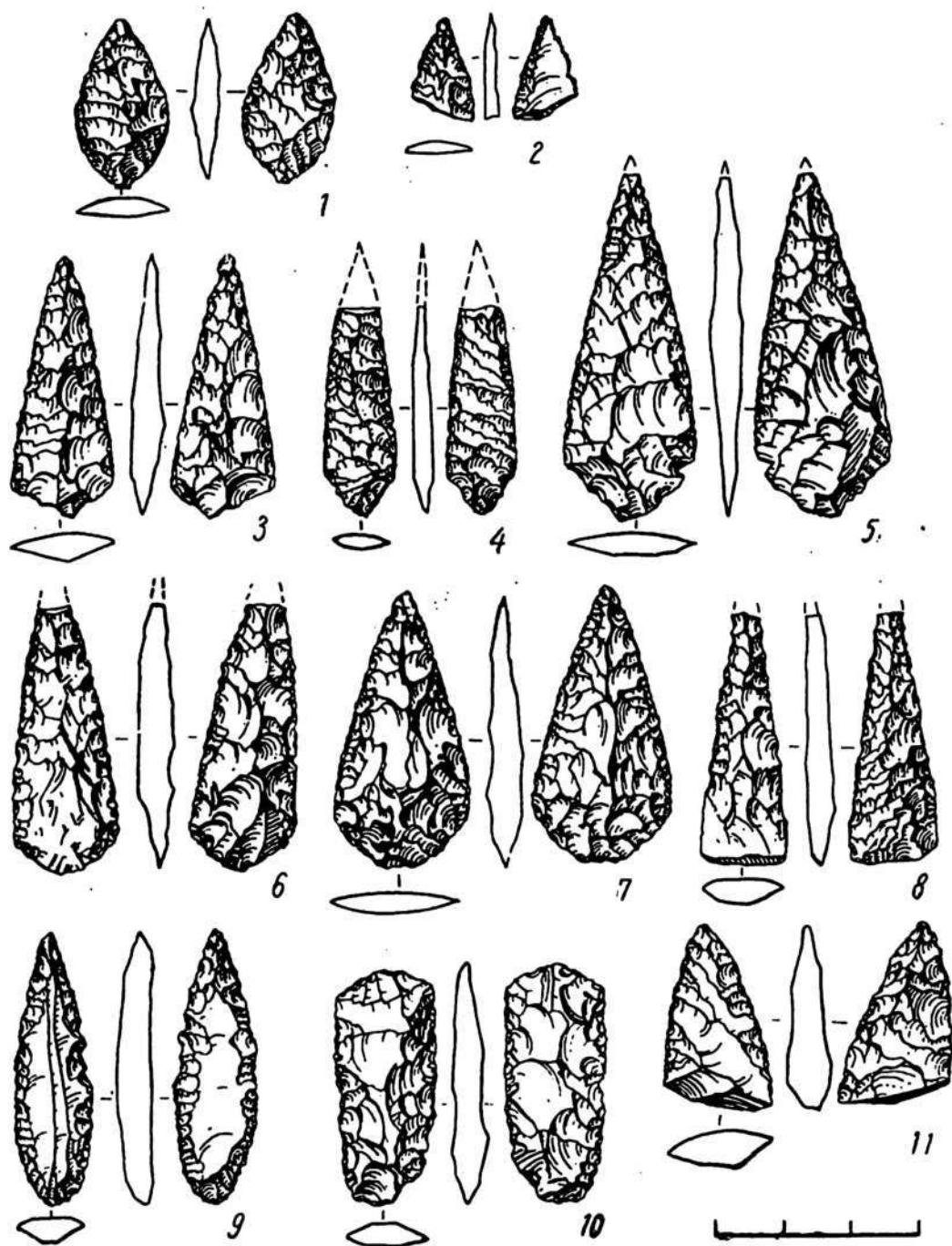

Рис. 14.

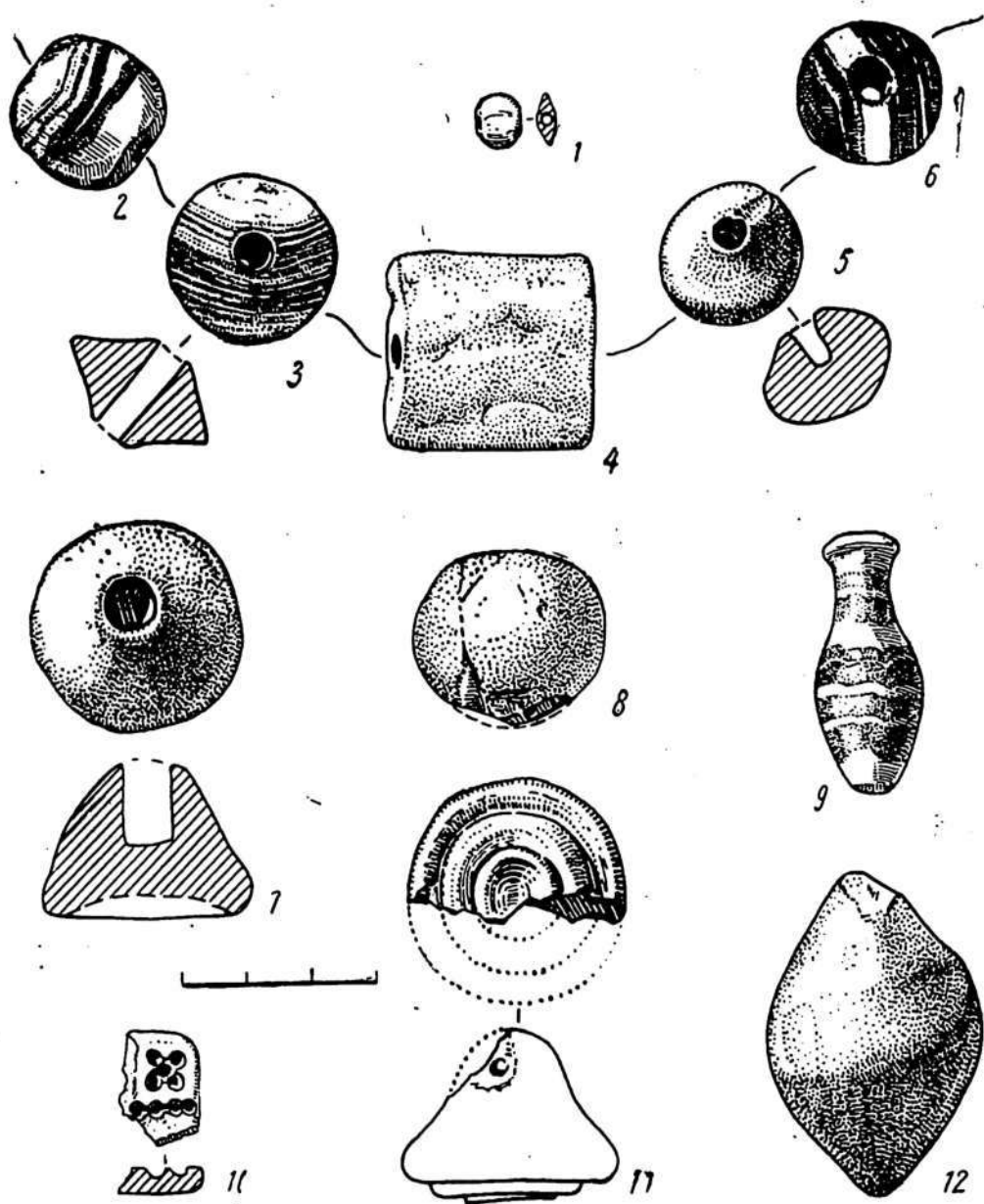

Рис. 15.

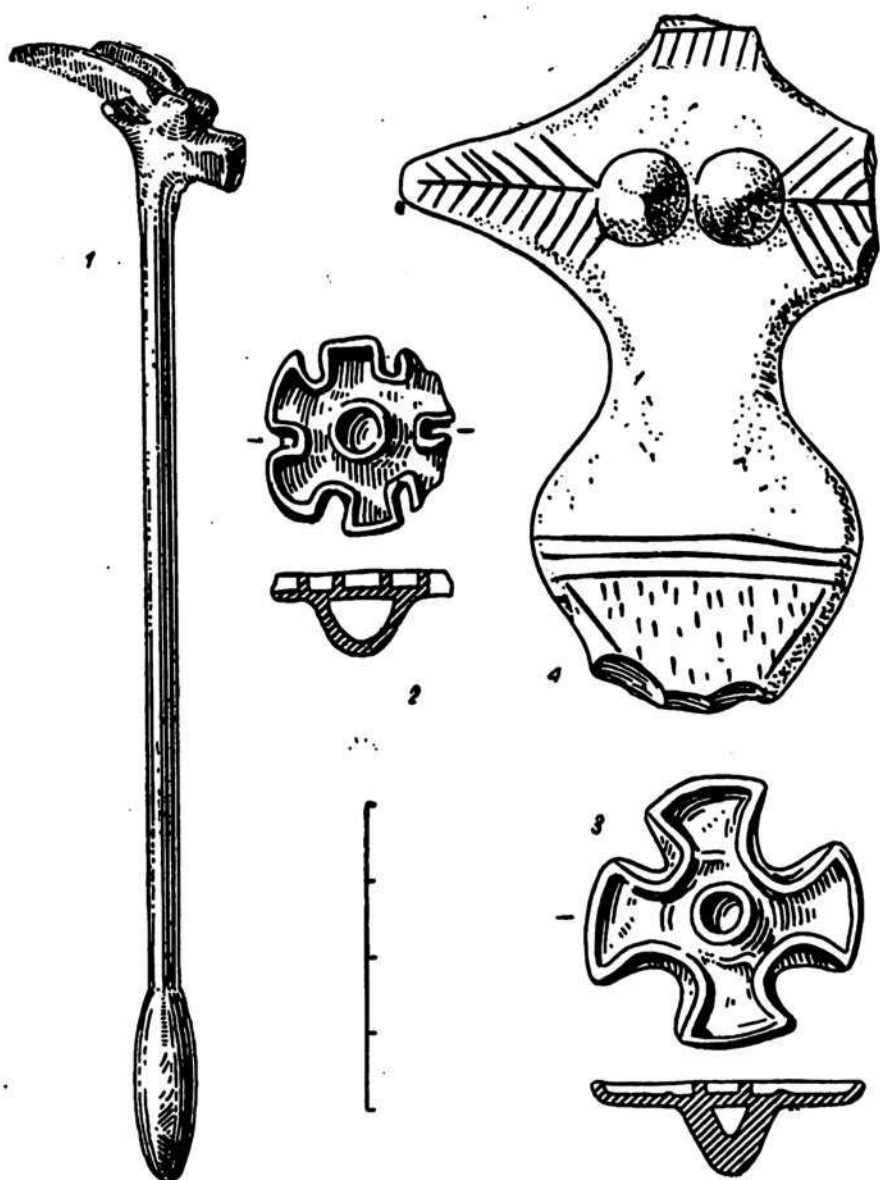

Рис. 16.

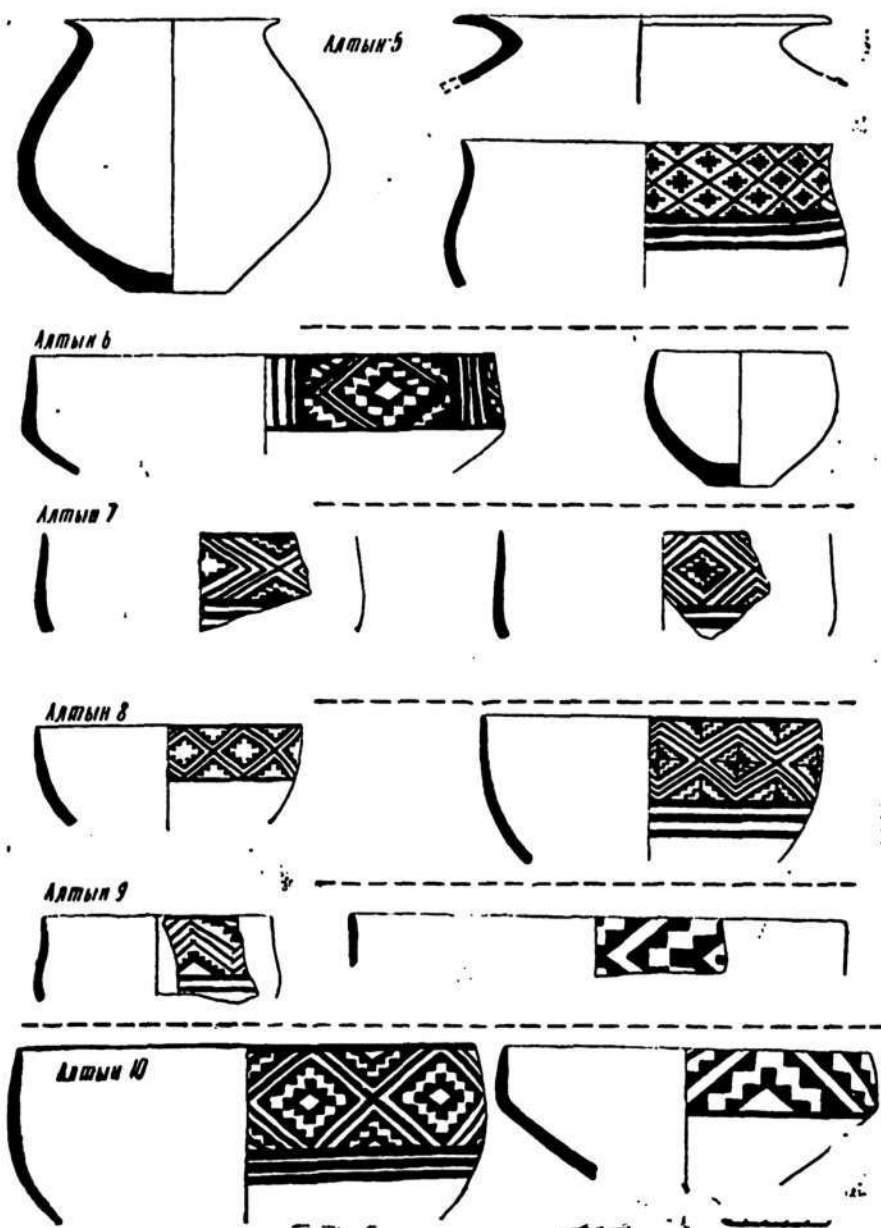

Рис. 17.

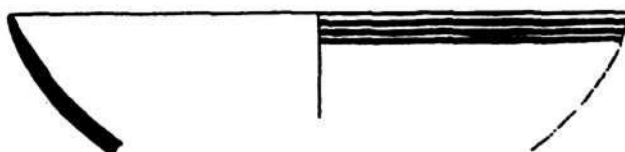
Латын 11

Латын 12

Латын 13

Латын 14

Латын 15

Рис. 18.

И-03053. Подписано к печати 12.11-1970 г. Бумага 60×84¹/₁₆. Печ. л. 2.5.
Заказ № 917. Тираж 500. Цена 10 коп.

Ломоносовская типография Управления по печати Ленгорисполкома
г. Ломоносов, Лен. обл., пр. Юного ленинца, д. 9.

Рис. 2.

Цена 10 коп.